

ВАДИМ ПАНОВ

КАФЕДРА
СТРАННИКОВ

ЭКСМО

ТАЙНЫИ ГОРОД

Тайный Город

Вадим Панов

Кафедра странников

«Автор»

«ЭКСМО»

2004

Панов В. Ю.

Кафедра странников / В. Ю. Панов — «Автор», «Эксмо»,
2004 — (Тайный Город)

ISBN 978-5-699-06282-9

Загадочная Атлантида оставила человечеству не только легенды. Трон владыки морей Посейдона – источник магической энергии – не погиб вместе со своими создателями. Случайно обнаруженный в сибирской тайге, он оказался в центре противостояния между Странниками, возвратившимися на родную планету, и обитателями Тайного Города, последними представителями древних рас, правивших Землей задолго до появления первого человека. Люди, много веков назад отказавшиеся от магии, сумели отыскать более могущественные силы, открывающие дорогу во Внешние Миры. И Трон Посейдона стал своеобразной стартовой площадкой у истока этого Пути...

ISBN 978-5-699-06282-9

© Панов В. Ю., 2004

© Автор, 2004

© Эксмо, 2004

Содержание

Пролог	5
Глава 1	9
Глава 2	40
Конец ознакомительного фрагмента.	63

Вадим Панов

Кафедра странников

Пролог

Восточная Сибирь, поселок Черемушки,

1981 год

«Вся страна, весь советский народ с гордостью следят за подвигом строителей Саяно-Шушенской ГЭС! Опытные инженеры и молодые комсомольцы, бетонщики и монтажники, электрики и бульдозеристы, лесорубы, механики, шоферы – невозможно перечислить всех, кто своим тяжелым, но славным трудом проводит в жизнь решение Коммунистической партии Советского Союза. Всех, чьими усилиями в далеком сибирском уголке возводится грандиозное сооружение – величественная плотина, равной которой нет во всем мире. И глубоко символично, что новая ГЭС, венец творения советских ученых и инженеров, появится в местах, тесно связанных с именем Владимира Ильича Ленина. Мы, потомки пламенных революционеров, достойные сыны героев Гражданской войны, рапортуем: „Дело великого Ленина живет и побеждает! Советский Союз – могучая держава рабочих и крестьян...“

Резкий порыв ветра подхватил обрывок местной газеты и весело, играючи, поднял сероватый листок вверх. Высоко вверх, словно хотел показать этому осколку пропагандистской машины обновленную стахановцами тайгу: вырубленные под корень вековые леса, разоренные деревни, взорванные скалы и грязные, наспех слеplенные дороги, по которым тянется к плотине бесконечный поток грузовиков. С такой высоты многотонные тяжеловозы кажутся трудолюбивыми муравьями, неведомым чудом ухитрившимися создать в глухой Сибири колоссальный бетонный муравейник – триумф научно-технического прогресса. А на обочине прогресса ржавеют останки брошенных машин, гниют пустые бочки и благоухает разлитая солярка. Приметы цивилизации – загаженные опушки, утонувшие в лесных озерах пиротехнические патроны и на каждом углу любого городка или поселка – винные магазины. Но разве это важно? Стране требуется электричество, много электричества, как можно больше электричества! Страна желает добывать алюминий. Много алюминия, немислимо много! Чтобы засеребрились краснозвездные крылья истребителей и бомбардировщиков. А вдруг завтра война? Ведь враг не дремлет! Миллионы отважных сынов Империи готовились защищать родную страну от проклятого агрессора. А тысячи других сынов трудолюбиво превращали Сибирь в гигантский промышленный комплекс, экологические проблемы которого защищали от врага изнасилованные территории лучше самых современных самолетов.

– Тимоха, правее бери, правее, елы-палы!
– Так я и беру!
– Да ... ты берешь! Ты лево берешь, ... мать!!
– Так ты только что говорил: лево!!
– У тебя зенки повылазили? Как я мог сказать «лево», когда надо право?! Ты, ... мать, сюда смотри, когда тебе говорят!

Голос бригадира прозвучал так, будто Валиев оказался рядом и рычал Тимохе прямо в лицо, а не находился в сорока ярдах от работающего с тяжелым надрывом бульдозера. Поток начальственной ругани влетел в кабину, словно усиленный мощным динамиком, наполнил ее, заставив бульдозериста вздрогнуть. Этот рев, совершенно не соответствующий законам физики и слабым голосовым связкам Валиева, стал для Тимохи последней каплей – он заглушил двигатель и вылез на трак.

– Ты чего? – Валиев подошел к остановившейся машине.

– Ты говорил «лево», – тихо, но очень твердо произнес бульдозерист. – Ты говорил «лево»!

– ... мать! – Валиев секунду смотрел на Тимоху, но вместо того, чтобы выдать очередную порцию нецензурной критики, вдруг развел руками и кивнул: – Да, вроде действительно «лево» крикнул. А надо право. – Бригадир покрутил круглой, крепко посаженной головой. – Оговорился, ... мать.

– Да не оговорился ты, Марат, – тоскливо протянул Тимоха.

Бульдозерист вытащил из кармана телогрейки мятую пачку «Примы», чиркнул спичкой и, выпустив облако вонючего дыма, повторил:

– Не оговорился ты.

– Тогда что?

– А то... – Тимоха угрюмо огляделся. – То самое, блин. Сам знаешь, что здесь за место.

– Знаю, ... мать, – после паузы согласился бригадир.

Желающие ковыряться на Сухой горке в очередь не выстраивались. Холм считался странным местом, нехорошим, и в том, что работы на нем откладывали до самой последней возможности, не было ничего неожиданного – руководили строительством хоть и коммунисты, но люди бывалые, не один котлован вырывшие. И они хорошо знали, что, несмотря на временную победу диалектического материализма, чертовщина с земли никуда не делась. Странности по воле философских концепций в воздухе не тают, и разные «сухие горки» или «мертвые овраги» нет-нет да и преподнесут строителям неприятный сюрприз. Местные, с которыми доводилось толковать Тимохе, этот холмик не привечали и держались от него подальше. Ходили даже слухи, что в полнолуние на нем оборотни свадьбы играют, но бульдозерист был парнем трезвомыслящим и в подобные сказки не верил. К холму же тем не менее относился с опаской. Как, впрочем, и все в бригаде. Невысокая, не особо приметная, покрытая мертвыми деревьями Сухая горка резко, «чертовой плешью» выделялась на зеленом, полном жизни ковре тайги. Холм обходили все: и зверь, и человек, но менять план строительства в угоду поверьям никто, разумеется, не собирался, и одним хмурым утром к холму подкатил массивный рыжий бульдозер.

– Место здесь такое, – передразнил работягу бригадир. Впрочем, без особой уверенности. – Не место красит человека, а человек место! Социалистические обязательства еще никто не отменял! И премии за их выполнение! И прогрессивки! Ты, Кукурузин, комсомолец?

– Комсомолец.

– Значит, должен следовать заветам и работать, а не перекуривать с начальством, отлынивая от выполнения трудового задания! Понятно?

– Понятно, – мрачно согласился Тимоха.

Но бросать недокуренную сигарету не стал, потому что не было в голосе Валиева железного приказа: «Иди, Кукурузин, умри, но дело сделай!» Марат не хуже остальных знал, чем могут порадовать такие вот «чертовы холмики», и давить на бульдозериста не собирался. Тем более что одна неприятная история на Сухой горке уже приключилась.

Неделю назад Тимоха как раз сказался больным, надеясь, что проклятый холм без него срубят, Валиев отправил на Сухую горку Ваську Хохла. И что? Едва бульдозер подобрался к холму, у него заклинило двигатель. Да так заклинило, что новенькую машину пришлось спи-

сать – управление механизации восстановить бульдозер не смогло. Хохла, конечно, дернули по всем линиям, на комсомольском собрании пропесочили, премии лишили, но все понимали, что не было в аварии его вины. Не было! Васька мужик вредный и прижимистый, но за своей машиной следил в оба, и двигатель у него заклинило не от разгильдяйства и халатности, а потому что холм.

Мужики покурили, помолчали, глядя на неприветливо серую землю Сухой горки, на остатки почерневших деревьев – основной сухостой убрали лесорубы – и причудливые, словно оплавленные, камни. Помолчали, поглядели, переглянулись и снова закурили.

– Все равно идти придется, – покачал головой Валиев, избегая смотреть Тимохе в глаза.

– Да знаю, – бульдозерист сплюнул, зло отшвырнул едва раскуренную сигарету и полез в кабину. – Знаю, блин!

Неожиданно Тимохе стало стыдно за показанную перед бригадиром слабость. «Мужик я или нет? Ишь, сопли пустил! А дел-то всего – холм срубить!»

– Не боись, Марат! – Кукурузин высунулся из окошка кабины. – Ща сделаем эту горку в лучшем виде!

– Осторожнее давай, – скривился Валиев.

Двигатель взревел, бульдозер, выплюнув в сибирский лес солидную порцию выхлопных газов, пошел на холм, и последнее напутствие бригадира Тимоха не расслышал. Тоскливый страх, который только что испытывал бульдозерист, сменился истеричной удалью, приступом диковатого куража, порожденного в том числе и отчаянием, – Тимоха понимал, что, кроме него, послать на холм Валиеву некого, и если он откажется, то получит от взбешенного Марата неприятностей по полной программе. Положив руки на рычаги и с удовольствием ощутив привычную дрожь работающего двигателя, Тимоха неожиданно почувствовал прилив уверенности: послушная его воле сила, спрятанная внутри гигантского бульдозера, вызвала уважение, вряд ли потерянный холм сможет противопоставить ей что-либо.

– Ща сделаем...

Нож грубо вошел в землю, тяжеленная машина зарычала, разразилась дополнительной порцией выхлопных газов, но уверенно продолжила движение.

– Есть!

Больше всего Тимоха боялся именно этого момента – первого удара ножом. Он убедил себя в том, что если Сухая горка таит в себе угрозу, то проявится она сразу, как только бульдозер пересечет невидимую черту. Тимоха даже придумал эту черту – воображаемую линию, проведенную между двумя массивными камнями, и зажмурился, когда нож подобрался к ней, но... ничего не происходило. Бульдозер послушно рвал сухой дерн, нож входил в землю, как в масло, легко выковыривал камни и оставленные лесорубами пни.

– Поезшло! – Валиев облегченно выдохнул и потянулся за сигаретами. – Проскочили!

Тимоха, словно услышав слова Марата, несмело улыбнулся и вытер пот.

И в этот момент бульдозер остановился.

Резко. Так, будто наткнулся на невидимую стену, и расслабившийся было Тимоха едва не вылетел из кабины через лобовое стекло. Валиев длинно выругался. Двигатель в ответ пробурчал что-то неразборчивое и пару раз чихнул.

«Заклинило!» Мысль прозвучала за мгновение до того, как Тимоха сообразил, что двигатель продолжает работать. Правда, странно, рывками, совсем не так, как должен урчать хорошо отрегулированный мотор, но все-таки работал.

– Уперся?! Назад помалу! – приказал Валиев. – ... сидишь?!

– Сейчас! – Тимоха передернул рычаг, надавил на педаль, двигатель рывкнул, заставив завибрировать корпус, но бульдозер даже не шелохнулся. – Приехали, блин!

– Нож подними, паскуда, – обреченно (а кому понравится второе ЧП на одном холме?) посоветовал бригадир. – Нож тебя держит, ... мать.

Ругаться с Маратом Тимохе не хотелось, у него просто не выдержали нервы.

– Да поднимаю я нож!! – заорал бульдозерист, выскакивая из кабины. – Не поднимается он, блин!

– Еще попробуй, ... мать!

– Сам пробуй!

– Ты у нас бульдозерист, ... мать, ты и поднимай!

– А ты у нас

Не очень длинная, но довольно содержательная речь Тимохи закончилась гневным ударом ногой по ни в чем не повинной обшивке кабины. Был ли этот пинок силен необычайно, или просто так совпало, но сразу же после него внушительная часть Сухой горки обрушилась. Огромный пласт земли мягко, но очень величественно сошел вниз, потащив за собой и камни, и пни, и жалобно накренившийся бульдозер. К счастью, у Тимохи хватило ума не прыгать с машины, и он, правда, дрожащий, побелевший, вцепившийся в дверцу всеми доступными конечностями, но живой, благополучно дождался, когда бульдозер вновь займет устойчивое положение.

– Марат, – тихонько позвал Тимоха, убедившись, что движение прекратилось. – Маратик, посмотри, пожалуйста, можно мне спрыгнуть?

– ... мать, – эхом донеслось откуда-то снизу.

– Марат, ну, пожалуйста, посмотри! Я тебя очень прошу.

– ...

В голосе бригадира не было страха или какого-либо напряжения. Более того, Тимоха ухитрился различить в неспешных ругательствах Валиева оттенок глубокого удивления, а потому бульдозерист рискнул и открыл глаза. И замер. И в точности повторил высказывание Марата:

– ... мать.

Обрушившаяся земля открыла ошарашенным строителям массивное и совершенно невозможное для дикой Сибири сооружение. В самом центре полуразрушенной Сухой горки, под хмурым, свинцовым небом гордо высился черный трон – внушительное кресло с прямой спинкой и широкими подлокотниками. Несмотря на то что оползень очистил конструкцию далеко не полностью, Тимоха увидел, что трон закреплен на внушительной платформе, то ли металлической, то ли каменной, в один из торцов которой и уперся нож бульдозера.

– ... мать.

– Гробница, – прошептал Тимоха.

– ... мать.

– Клад нашли, – продолжил бульдозерист. – Древний клад. Надо вызвать кого-нибудь.

– Кого? – простонал Валиев.

– Не знаю, Марат, но кого-нибудь надо вызвать. И никого сюда не пускать.

Разумные речи Тимохи заставили бригадира собраться и вспомнить, кто здесь главный.

– Археологов надо вызвать, – неожиданно солидно пробасил он, даже не добавив излюбленное «... мать». – Пусть археологи разбираются.

– Премию, наверное, дадут, – предположил Тимоха. – Слышь, Марат, ну давай вызовем кого-нибудь! А потом...

– ... мать, – снова прошептал бригадир, и его нижняя челюсть совершила невероятное, отвалившись так, что почти достала груди. – Прыгай!

Тимоха проследил за взглядом Валиева, задрожал и, совершенно неожиданно для своего комсомольского мировоззрения, перекрестился.

Прижатый к платформе нож бульдозера плавился, словно целлулоидная пленка, к которой поднесли горящую спичку.

Глава 1

Закрытый населенный пункт Красноярск-151,

1981 год

В имперские времена количество городков, подобных Красноярску-151, не поддавалось учету. Секретные заводы и фабрики, научные центры и опытные производства – все, что представляло интерес для безопасности страны и одновременно – для иностранных разведок, тщательно скрывалось в недостижимой Сибири, пряталось за безликими почтовыми ящиками, укрывалось от посторонних глаз густыми лесами, колючей проволокой и часовыми с собаками. Закрытые поселения, жители которых четко делились на работников предприятий и охранников. Вместо законов – внутренний распорядок, утвержденный «профильной» организацией – КГБ или Министерством обороны, вместо свободы – большая, по имперским меркам, заработная плата и подписка о неразглашении государственной тайны. В не существующих на картах городках разрабатывались современные технологии и уникальные устройства уничтожения, испытывалось запрещенное оружие, создавались опытные образцы новых танков, выращивались боевые вирусы и рождались проекты полетов в космос. Маленькие сибирские городки определяли имперскую научную мысль, а потому работа в этих полутюремных поселениях считалась престижным и интересным делом.

– Объект «Трон» был обнаружен три месяца назад при строительстве Саяно-Шушенской ГЭС, внутри холма естественного происхождения...

– Это точно? – перебил докладчика академик Брам, один из трех присутствующих на совещании представителей АН СССР. – Насчет естественного происхождения холма, я имею в виду. Это очень важно, товарищ Зябликов!

Дмитрий Брам был археологом, что вполне объясняло его повышенное внимание к подобным деталям. Другие академики, физики Симонидзе и Красноумский, деликатно усмехнулись. Гениям точных наук было глубоко плевать, откуда в их распоряжение прибыл удивительный объект: из холма, из оврага или из специально прорытой траншеи. Главное, что «Трон» появился и заинтриговал ученых мужей Империи своими поразительными свойствами, все остальное вторично.

– Пожалуйста, будьте точны в определениях! Холм естественного происхождения?

Докладчик, худощавый сутулый мужчина лет сорока на вид, поправил очки и уверенно кивнул:

– Место обнаружения объекта было изучено самым тщательным образом. В работе комиссии принимали участие и геологи, и биологи, и ваши люди, Дмитрий Ефимович, из красноярской археологической экспедиции, квалификация которых...

– Я не сомневаюсь в мастерстве своих ребят! Отвечайте, пожалуйста, на вопрос, товарищ Зябликов!

Необычайная горячность академика Брама объяснялась легко. Обнаружив в сибирских дебрях загадочный объект, гэбэшники оцепили внушительный участок стройки – что привело в дикое бешенство далекое от высоких материй строительное начальство – и немедленно вызвали первых попавшихся ученых. Первыми попались археологи. Ребята Брама два дня восторженно обнюхивали «Трон» и прилегающую территорию, щеточками расчищали массив-

ную тушу объекта и молили бога, чтобы сказка продолжалась как можно дольше. Молили, видимо, без энтузиазма, потому что к исходу вторых суток на подопечных Дмитрия Ефимовича обрушилось сразу два неприятных известия. Во-первых, разъяренные строительные бонзы сумели убедить московских старцев, что сдача электростанции точно по плану гораздо полезнее для народного хозяйства, чем правильность извлечения из земли какой-то ржавой железяки. Пушай выкапывают и уматывают, можем дать бульдозер для ускорения процесса! Поскольку, что такое план, в Москве понимали очень хорошо, археологам было высочайше велено не наглеть и на пути благосостояния трудящихся не становиться.

С этой ситуацией еще можно было бы смириться, но вот вторая новость стала для Брама настоящей катастрофой: информация о необычных свойствах объекта «Трон» докатилась до физиков. Строители, желающие любой ценой вышвырнуть находку из зоны ответственности, не пожалели красок, описывая академическим зубрам выходки «Трона», и в Красноярск были спешно направлены спецы из новосибирского Академгородка, которые охотно засвидетельствовали необычайную ценность объекта для прикладной науки. Титаны удивленно хмыкнули, надавили на нужные рычаги и элегантно отодвинули археологов на второй план.

– Надо ли понимать ваше замешательство так, что вы не потрудились как следует изучить место нахождения объекта? – зловещим шепотом осведомился Брам.

– Дима, – увещевающим голосом протянул Симонидзе, – при всем моем уважении: наш молодой коллега направлен в Красноярск, чтобы как следует изучить сам объект, а не место его обнаружения.

– Вот в этом вся трагедия! – немедленно среагировал Брам. – Вы ищете сиюминутную выгоду!..

– Дима, в Москве надо было драться, – махнул рукой Красноумский. – Сейчас бесполезно. – Академик покосился на докладчика. – Продолжайте... юноша.

– Проведенные исследования показали, что холм, в котором был обнаружен объект «Трон», естественного происхождения, – подвел итог Зябликов. – Это заключение геологов. Ваши ребята, Дмитрий Ефимович, не нашли вокруг следов проведения каких-либо работ. За исключением активности строителей ГЭС, разумеется.

На последней фразе академик Симонидзе откровенно ухмыльнулся: Валентин Павлович Зябликов был его учеником, и старику понравилось, как молодой профессор поддел чересчур горячего археолога.

Брам поморщился, но промолчал. Красноумский поерзал на неудобном стуле – мебель в провинции не удовлетворяла привыкшего к комфорту академика – и тоже промолчал. С лица Красноумского вообще не сходила недовольная гримаса. Скучная обстановка совещательной комнаты оскорбляла его утонченный вкус, к тому же в помещении было несколько прохладно, и академик не выпускал из руки скомканный носовой платок. Дача, на которой разместили Красноумского, пахла нафталином, а на завтрак не был подан липовый мед. Академика раздражали хозяева – он недолюбливал провинциальную услужливость – и бесили спутники. Его выводили из себя... Другими словами, Красноумский был прямым конкурентом Симонидзе за право разрабатывать «Трон», проиграл это право в коротком и беспощадном сражении и теперь не находил себе места от зависти.

– Пусть товарищ Зябликов вернется к докладу, – кисло предложил Красноумский. – Разумеется, если ему есть о чем еще рассказать.

– Объект «Трон» представляет собой монолит неизвестного металла, без каких-либо следов сварки или соединений иного рода, – невозмутимо продолжил Зябликов. – Основанием артефакта является квадратная платформа высотой полтора ярда. В ее центре расположено кресло-трон, выполненное в античном стиле, перед которым находится нечто вроде алтаря – идеальный куб, с гранями сорок дюймов. На верхней поверхности алтаря выполнено углубление конической формы, диаметром десять дюймов, глубиной – двадцать. Позади кресла нахо-

дится стена высотой восемь футов, на лицевой стороне которой вырезан текст на неизвестном языке. Да, чуть не забыл: на спинке трона изображен крылатый конь. – Зябликов грустно улыбнулся. – Это единственный символ, который мы смогли опознать.

– «Смогли опознать», – зло процедил Брам.

– Крылатый конь... Пегас? – поинтересовался полковник Александров, представляющий на совещании всесильный КГБ.

– Насколько я помню, Пегас как-то связан с Посейдоном? – Симонидзе покосился на Брама.

– Изображение на спинке трона – прямая отсылка к богу морей, – буркнул археолог. – А Посейдон, в свою очередь, считался покровителем Атлантиды.

– В которой, согласно античным источникам, широко применялся загадочный металл, – добавил Красноумский и шумно высморкался. – Бред, конечно.

Странная находка настолько увлекла физиков, что они проработали даже непрофильную информацию об артефакте.

– Орихалк, – угрюмо подтвердил Брам. – Небесный металл.

– Не сомневаюсь, что вскоре мы сообщим вам его формулу, – улыбнулся Симонидзе.

– Не говорите «гоп!», коллега, – скривился Красноумский. – Пока, насколько я знаю, ваш Зябликов мало чего добился.

– Мы в самом начале пути, – пожал плечами Симонидзе. – Валентин Павлович, у вас есть новые сведения о материале, из которого изготовлен объект «Трон»?

Вопрос был задан уверенным тоном и предполагал оптимистичный ответ. Зябликов не подкачал.

– Мы работаем над этим, Шота Георгиевич, – бодро отрапортовал профессор. – Не могу назвать точные сроки, но я уверен...

– То есть вы уже изучаете структуру материала? – оборвал Зябликова Красноумский.

– В настоящий момент мы проводим работы по изъятию образца для лабораторных исследований, – чуть расплывчато ответил профессор.

– Что? – не понял академик. – Товарищ Зябликов, будьте конкретнее.

– К сожалению, все наши попытки взять образец металла на анализ пока терпят неудачу. Объект «Трон» необычайно тверд: мы не можем ни отпилить, ни отбить хотя бы небольшую его часть. Мы не можем просверлить отверстие или расплавить...

Симонидзе покраснел.

– Необязательно так напрягаться, – с издевкой бросил Красноумский. – Еще в институте вам должны были сообщить, что современная аппаратура позволяет сделать анализ материала удаленным способом...

Брам, слабо разбирающийся в физике, без восторга прислушивался к диалогу – он понимал, что «Трон» археологам никто не вернет, а зарождающаяся свара лишь подтверждала глубокое убеждение академика, что все эти физики суть тупые арифмометры, неспособные оценить истинно великие науки.

– Мы проводили исследования по разным методикам, – со всей возможной дипломатичностью ответил Валентин Павлович. – Ни одно из них ни к чему не привело.

– Что вы имеете в виду?

– Каждый следующий результат всегда кардинально отличается от предыдущего, даже если получен сразу за ним. Аппаратура показывает, что «Трон» состоит из металла, камня, дерева... А однажды, если ориентироваться на показания приборов, мы видели перед собой глыбу льда.

– Бред!

– Как вам будет угодно, – пожал сутулыми плечами профессор.

– В проблемах, с которыми столкнулся товарищ Зябликов, нет ничего удивительного! – не выдержал Брам. – Артефакт обладает колоссальной исторической ценностью! Колоссальной! Он должен перевернуть современные представления об античном мире! Если «Трон» действительно из орихалка, действительно из Атлантиды, то это прорыв! Вы понимаете? Прорыв!! Достоверных сведений об Атлантиде нет, все древние авторы сходятся на том, что это была высококультурная страна. Но почему она погибла? Вы стараетесь отпилить кусочек от того, о чем не имеете ни малейшего представления! Кто знает, что несет в себе артефакт и почему он оказался в Сибири? Как он оказался в Сибири?! Вы представляете, сколько отсюда до Атлантиды? Прежде чем плавить «Трон», мы должны прочитать то, что написано на стене! Мы должны разгадать его загадки и только после этого решать, что делать дальше. Вы ведь ученые, товарищи!

– Мы – ученые! – Симонидзе, доведенный шпильками Красноумского до белого каления, охотно выплеснул на коллегу накопившуюся злость. – И как настоящие ученые, мы должны подходить к решению вопросов комплексно, как учит нас партия, а не с буржуазной узостью мышления.

Полковник Александров одобрительно кивнул. Партия – это хорошо. Партия плохому не научит.

– Вы хотите прочитать текст? – брызгал слюной Шота Георгиевич. – Пожалуйста, изучайте! Копируйте ваши закорючки. А я хочу знать, почему вчера вечером товарищ Зябликов наблюдал через артефакт телевизионную передачу!

– Это так?! – едва не подпрыгнул Красноумский.

– В шестнадцать часов и двадцать одну минуту на гладкой, обратной стороне стены артефакта появилось четкое изображение передачи Первого государственного канала, – подтвердил Валентин Павлович. – Помимо меня, аномалию наблюдали девять человек. В семнадцать десять трансляция прекратилась.

– Изумительно! – Красноумский сжал кулак. – Черт побери!

Он с ненавистью посмотрел на Симонидзе. Брам обреченно махнул рукой.

– Дмитрий, к чему горячиться? – Шота Георгиевич слегка успокоился и почти миролюбиво посмотрел на археолога. – Мы же договорились, что твои ребята примут участие в исследовании объекта. Не надо перетягивать на себя все одеяло.

– Партия и правительство осознают культурную ценность объекта «Трон», – добавил полковник Александров. – Но и вы, товарищ Брам, должны понять: помимо исторической важности, объект обладает уникальными прикладными свойствами, которые обязаны изучить советские ученые. Это наш долг перед партией и народом.

– Да, конечно, – уныло согласился академик.

– Перед партией, – веско повторил полковник.

Брам вздохнул и устало покачал головой:

– Никто не знает, отчего погибла Атлантида, товарищи. Никто не знает, каких высот достигла наука атлантов.

– Древняя наука? – с легким сарказмом переспросил Александров.

– Исчез целый континент, – очень серьезно произнес Брам. – А мы находим артефакт, который невозможно распилить и который принимает и обрабатывает электромагнитные волны. Даже вашего образования, полковник, должно хватить для понимания, что мы имеем дело с наследством весьма высокоразвитой цивилизации. Вы не боитесь, что ваше «изучение» объекта вызовет неприятные последствия? Как насчет взрыва? Ядерного?

– Именно поэтому мы не перевозим артефакт в Москву, а продолжаем его изучение здесь, в Красноярске-151, – холодно объяснил Александров. Представителя спецслужбы задели слова насчет образования.

– Значит, вы согласны с тем, что опасность существует? – поинтересовался Брам.

– Опасения всегда должны иметь место, это нормально, – буркнул полковник безопасности. – Достаточно того, что объект притянул и полностью расплавил многотонный бульдозер.

– Мы полагаем, что сработал защитный механизм «Трона», – вставил Зябликов. – Бульдозер ударил в объект, и артефакт отреагировал адекватно, полностью уничтожив агрессора.

– У «Трона» много разных механизмов, – кивнул Александров.

– Что вы имеете в виду? – насторожился Брам.

– Примерно месяц назад было принято решение перебросить «Трон» в Красноярск-104, – сообщил полковник, – но, судя по всему, объекту больше нравится в Красноярске-151.

– Масса «Трона» необъяснимым образом возросла, – негромко объяснил профессор. – Первоначально она оценивалась в тридцать тонн, а когда подогнали кран, выяснилось, что масса артефакта перевалила за сотню.

– Мы не смогли сдвинуть объект с места, – развел руками Александров. – Пришлось оставить его в Красноярске-151.

– Увеличение массы было временным явлением, – закончил Зябликов. – После того как мы убрали технику, приборы зафиксировали снижение давления на пол ангара. «Трон» словно дал нам понять, что хочет остаться здесь.

– Невероятно! – Археолог схватился за голову. – Черт побери! Это же фантастика! Мы обязательно должны прочесть текст!

– У вас будет такая возможность, товарищ Брам, – напомнил Александров. – Но главное направление исследований: необычные свойства объекта «Трон». Такую задачу поставила перед нами партия. – Голос полковника приобрел официальную торжественность. – Кстати, товарищи, непосредственно перед началом совещания я получил уведомление из Москвы: окончательное решение о перепрофилировании Красноярска-151 для нужд исследований объекта «Трон» принято. Создается новый центр. Научным руководителем проекта назначается товарищ Зябликов. Валентин Павлович, примите мои поздравления. Кураторами работ назначены академик Симонидзе и я.

– Давайте поздравим Валентина Павловича с ответственным и перспективным назначением, – предложил Симонидзе.

Маститые академики поприветствовали профессора жидкими аплодисментами. Брам стучал в ладоши угрюмо, Красноумский с отвращением, и только в глазах Симонидзе можно было прочесть что-то похожее на поддержку. Смущенный Зябликов поднялся на ноги.

– Товарищи, я искренне благодарен партии, правительству и всему советскому народу за оказанное доверие и предоставленную возможность проявить свои способности. Обещаю приложить все силы и знания для решения поставленных перед нами задач. Мы разгадаем эту загадку и бросим ответ на алтарь советской науки!

Академики согласно трясли головами. Старые, умные и циничные, они прекрасно понимали, что товарищ Зябликов обязан обратиться с пламенной речью к товарищам, чтобы товарищ Александров мог с чистой совестью отразить его патриотизм в плановом доносе. Поэтому и Симонидзе, и Брам, и Красноумский не прерывали молодого коллегу и снисходительно сопели в нужных местах.

– Я очень внимательно выслушал товарища Брама, – продолжил Зябликов, – и хочу согласиться: некоторые забытые цивилизации находились на высоком уровне развития и способны преподнести нам сюрпризы. Задача же современной науки – тщательно изучить наследие старины во благо партии и народа. Поставим древнюю мысль на службу советскому обществу! Я знаю – Земля еще таит немало секретов, каждый из которых – вызов коммунистическим ученым. Вызов, который мы принимаем! На Северный полюс или на экватор, на морское дно или в непроходимые горы – мы изучим всю планету, пройдем по всем дорогам, и ни одна тайна не укроется от пытливого взгляда передового советского ученого!

* * *

Южный Форт,

штаб-квартира семьи Красные Шапки

Москва, Бутово, 17 марта, среда, 06.06

Нас не догонят!
Оле-оле-оле!!

Песня грозно и гулко звучала под низкими сводами кабака «Средство от перхоти», самого грязного, если верить путеводителю, заведения Москвы. Оригинальный текст хита дикари выучить не удосужились, собственных слов не придумали, поэтому куплеты каждый ревел на свой лад, излагая как можно громче то, о чем думал в данный конкретный момент. Зато главные слова песни, те, что отражали неповторимую воинственность Красных Шапок и за которые обитатели Тайного Города назвали молодежный хит боевым гимном дикарей, звучали дружно и очень гордо, заставляя дрожать каменную кладку и мощные деревянные балки:

Нас не догонят!
Оле-оле-оле!!!
Нас не догоня-я-я-ят!!!

Громадный кабак, занимающий большой подвал Южного Форта, был подлинным сердцем самой дикой семьи Тайного Города. Именно здесь в ее артерии безостановочно направлялись новые и новые порции дешевого виски – единственного катализатора, способного заставить мозги Красных Шапок шевелиться. Незамысловатая мебель «Средства от перхоти» – грубые столы и массивные скамьи – была привинчена к полу, барная стойка тянулась через весь зал, а пол густо покрывали опилки. Касса заведения пряталась за пуленепробиваемым стеклом и защищалась «кольцом саламандры» второй степени. Попытки ограбления тем не менее предпринимались не реже раза в неделю. Трупы неудачников бармены сбрасывали в канализацию через специальный лаз справа от будки кассира.

– За нашего непобедимого фюрера! – заорал уйбуй Копыто, вскакивая на стол. – За нашего любимого Кувалду!!

От избытка чувств десятник пальнул в потолок из карманного «браунинга», после чего вылил огненную воду в тренированную глотку. Присутствующие в кабаке Шибзичи, члены родного клана Кувалды, дружно присоединились к вдохновенному порыву уйбуя, немного постреляли, выпили, а некоторые даже полезли целоваться с висящими на стенах патриотическими плакатами: Кувалда в парадной форме, Кувалда проводит еженедельное совещание с уйбуями, Кувалда делится с королевой Всеславой своими взглядами... Члены других кланов семьи, Гниличи и Дуричи, опрокинули свои стаканы после небольшой паузы: одноглазый фюрер не вызывал у них приступов сыновней любви. Узурпировав верховную власть в критический момент – связавшиеся с Вестником Красные Шапки умудрились прогнать все Вели-

кие Дома, – Кувалда сумел выправить положение и убедить ведущие семьи Тайного Города в том, что ближайшие сто лет от дикарей можно не ожидать неприятностей. Понимая, что никто, кроме одноглазого, не справился бы с такой задачей, Красные Шапки инстинктивно позабыли о любимых междоусобицах и подчинились фюреру. Но чем больше времени проходило, чем основательнее забывался кризис, тем чаще под красными банданами рождался закономерный вопрос: «А чо это он нам указывает?» На взгляд большинства уйбуев, правление Кувалды неприлично затянулось, и политическое долголетие одноглазого объяснялось двумя факторами: поддержкой Зеленого Дома (королеву Всеславу устраивали присмирившие варвары) и превентивными мерами – смутьянов в Южном Форте вешали с дивной регулярностью.

– Давайте споем во славу великого фюрера какую-нибудь песню?! – Копыто окончательно развезло, и бойцы отчаянно пытались стянуть уйбуя со стола. – Я могу сплясать...

– Чего скривился, тренер? – Уйбуй Бульжник опустил пустой стакан на грязную столешницу и подозрительно покосился на сидящего рядом Напильника Гнилича. – Не в то горло пошло?

– Да за этого хмыря даже пить неохота, топор тебе в зубы, – прохрипел Напильник. Он оглянулся и, еще более понизив голос, добавил: – Урод одноглазый.

В целях безопасности Красные Шапки обычно употребляли виски в окружении бойцов родной десятки, но кредитоспособность подчиненных уйбуя Напильника в последнее время упала почти до нуля, а потому они распозлились по «Средству от перхоти», садясь на хвост к более состоятельным соплеменникам.

– Опасные слова, тренер, – протянул Бульжник. – Аднозначна опасные.

– Наверно, виски паленый, – предположил Отвертка, один из подчиненных Дурича. – Вот ему по шарам и дало.

– Виски добрый, – не согласился Бульжник, щедро разливая по стаканам очередную бутылку «бима». – Ты, Напильник, наверное, в последнее время самогоном баловался. А это аднозначна опасно.

Десятка Дуричей обидно расхохоталась. Гнилич поморщился – но не отказываться же из-за гордости от дармовой выпивки? – а потому, пробормотав: «Здоровья, топор вам всем в зубы», ловко принял огненную воду на грудь.

– Хорошо, что весна началась, – порадовался Отвертка, почесываясь спиной о стену. – А то холодно.

С тех пор как Красные Шапки лишились густой шерсти по всему телу, зима вызывала у них резкую антипатию.

– Местная весна что? Не весна, а сплошное недоразумение. Вот я слышал, будто в Западных лесах когда-то весны были куда приятнее... – И романтично настроенный Бульжник принялся пересказывать соратникам давно надоевшие байки о легендарном фатерлянде Красных Шапок. Напильник же, в ожидании очередного тоста, подпер кулаками подбородок и уставился на малюсенькое, забранное толстыми решетками окно. На его душе скребли кошки.

Когда-то, несколько лет назад, Напильник считался особо доверенным уйбуем Сабли, фюрера клана Гниличей, и даже всерьез рассчитывал перерезать горло благодетелю и занять его место, но история с Вестником спутала честолюбивые планы. Сабля откинул копыта без помощи верноподданных, затем Кувалда Шибзич грохнул Секиру Дурича, возглавил семью и первым же указом ликвидировал титул фюрера клана, здраво рассудив, что политические конкуренты ему ни к чему. Великий Дом Людь отнесся к нововведениям благосклонно: постоянные междоусобицы дикарей давно надоели зеленоглазым красавицам, но жизнь уйбуев потеряла смысл – путь вверх был заказан, и это удручающе действовало на варварскую гордость.

– За Западные леса!

– За Родину! – рассеянно согласился Напильник, поднимая стакан.

– За нашу великую Родину!

Очередная порция «бима» слегка разогнала горестный туман в голове Гнилича. Напильник задумчиво поковырялся между зубами длинным желтым ногтем, слизнул с него найденные остатки закуски и пробурчал:

– Конечно, легко быть щедрым, топор тебе в зубы, когда от сибирских бабок карманы пухнут!

Все знали, что шустрый Булыжник ухитрился подрядиться к шасам, убедив Торговую Гильдию, что лучших сторожей для затерянного в окрестностях Омска склада не подберешь. Поскольку на этом перевалочном пункте шасы хранили исключительно несъедобный крупнотоннажный груз, легко поддающийся учету и абсолютно не приспособленный для растаскивания, основатели Торговой Гильдии согласились, и десятка Дуричей целых полгода благоденствовала в тайге, уничтожая местных комаров пропитанной алкоголем красношапочной кровью. А по возвращении в лоно цивилизации целых три недели вызывала удивление сородичей необычайной кредитоспособностью.

– Не, – протянул размякший от романтизма Булыжник, – сибирские бабки мы уже давно оприходовали, адназначна. – Уйбуй причмокнул, вспоминая пышную оргию, устроенную десяткой после возвращения из Омска. – Я думал снова к шасам подрядиться, да ребята пока отказались. Мы тута заработали. И много.

– На чем? – оживился Напильник. – Ограбили кого? Скажи кого? Я не сдам, топор тебе в зубы! Честно, не сдам.

За донос на неблагонадежных полагалась небольшая премия, которая позволила бы Гниличу рассчитаться с наиболее горящими долгами.

– Да никого мы не грабили! – Булыжник оттолкнул завалившегося на стол Отвертку и свистнул бармену, требуя очередную бутылку виски. – Мы чисто техно... технологиями занимались. Чисто политическими, адназначна.

– Чего? – вытаращил глаза Напильник. – Это как?

В зале загрохотал неформальный гимн Красных Шапок:

Я мог бы выпить море,
Я мог бы стать другим,
Вечно молодым,
Вечно пьяным...

Кабак ревел любимую песню в едином порыве. Не пытаясь перекричать соплеменников, Булыжник склонился к Гниличу и радостно зашептал:

– Да смех, блин! Там в Зюзино челы муниципального советника выбирают. Шесть штук кандидатов, адназначна! Все челы поголовно, но один – чисто свой чувак, мы его палатки уже пять лет бомбим, а он теперь хочет властью стать, в натуре. Ну, типа, чтобы палаток больше понатыкать.

– Это понятно, топор тебе в зубы, – перебил собутыльника нетерпеливый Напильник. – Бабки тут при чем? Откуда бабки-то?

– Так я и говорю, тренер, политические технологии адназначна! Тот чувак, который свой, приходит к нам и говорит: пацаны, сделайте так, чтобы электорат конкурента невзлюбил. Мы, в натуре, не поняли сначала, вроде тебя были, темные, чо, говорим, ругаешься тута? А он – настырный малый, чисто тренер, вам, говорит, надо пару моих палаток бомбануть, потом, значит, пару подъездов краской облить и стекла побить, адназначна. А потом чисто заявиться туда и сказать, что если челы не станут голосовать за того, типа, за конкурента, то мы их ваще закопаем.

– Сильно, – оценил Напильник.

– А я говорю! Мы, короче, бабло у него взяли, палатки его бомбанули, подъезды изгадили, сказали челам, что просил, а потом подумали: пацан этот, в натуре, свой, надо помочь ему дополнительно. И сделали мы его конкуренту черный пиар.

– А это как? – заинтересовался темный Гнилич.

– Ну, эта технология тебе известна, – ухмыльнулся Булыжник. – Конкурент, типа, в больнице теперь валяется, к другим э... кандидатам человская полиция охрану приставила, а пацан нам еще денег дал, чтобы мы больше в Зюзино не светились пока.

– Кудряво, – завистливо засопел Напильник.

– Мозги, Гнилич, мозги. – Булыжник покровительственно похлопал уйбуя по плечу. – Пусть идиоты всякие по Сибири мотаются, мы, блин, на выборах больше заработаем. Я уже все изучил – челы это дело очень даже любят, чуть не каждый месяц где-нибудь кого-нибудь выбирают. – На стол легла засаленная листовка «Выборы муниципального советника района Чертаново». – Понял, тренер?

Напильник наморщил лоб и почти минуту водил пальцем по тексту, сосредоточенно шевеля при этом губами.

– Значит, топор тебе в зубы, любой из этих челов может стать властью?

– Угу, – согласился Дурич.

– Станет приказы отдавать и кабинет с секретаршей иметь?

– Станет. Это, тренер, называется демократия. Покуда тебе черный пиар не сделали, можешь на что-то рассчитывать.

– Демократия, – задумчиво повторил Напильник, наблюдая за аккуратно складывающим листовку Булыжником. – Демократия.

* * *

«Очередной скандал на выборах муниципального советника в Зюзино. Напомним, что некоторое время назад группа неизвестных хулиганов учинила дебош на встрече одного из кандидатов с избирателями, и вот – новый инцидент. Как стало известно нашему корреспонденту, вчера днем был зверски избит...»

(«Известия»)

«Красные Шапки опять оскандалились. Уйбуй Булыжник и его бравая десятка в очередной раз стали героями чловских газет. В разделе „Криминальная хроника“, разумеется. К счастью, на этот раз им хватило мозгов не светиться, а спрятаться за расплывчатой формулировкой „группа неизвестных хулиганов“, но ведь чловская полиция не дремлет. Рано или поздно блюстители закона вполне могут выйти на след безбашенных дикарей. Или в Зеленом Доме по старинке рассчитывают на авось? Не пора ли королеве Всеславе приструнить своих...»

(«Тиграджом»)

* * *

Поместье «Девонширская аллея», США,

16 марта, вторник, 20.06 (время местное)

«Девонширская аллея» по праву считалась одним из самых роскошных поместий Лонг-Айленда, обитателей которого, в принципе, удивить сложно. Старинный, викторианского стиля, особняк был подлинным до самого последнего гвоздя – еще в начале века огромный дом аккуратно разобрали по кирпичику и бережно перевезли с туманного Альбиона на американскую землю. В те времена подобная экстравагантность была в моде, и разбогатевшие в колониях поселенцы активно застраивали новые земли архитектурными шедеврами метрополии. Помимо приличного дома, владельцы поместья позаботились о наличии ухоженного парка на сотню акров, небольшого озера с красивой набережной, полей для поло и гольфа, загона для лошадей... Проще сказать, о чем не подумали хозяева «Девонширской аллеи», когда обустроивали свое родовое гнездо. А не подумали они о том, что некоторые гости не станут перелезать через высокую ограду поместья, попадая под скрытые видеокамеры и возбуждая охранную сигнализацию. Не пойдут через главные ворота, на которых несут нелегкую службу профессиональные защитники чужого добра, а появятся из ниоткуда, необъяснимым образом материализуются в центре тщательно охраняемого парка, с легкостью обойдя запланированные для непрошенных гостей препоны. Владельцы об этом не подумали – а кто в наши дни верит в сказки?

И тем не менее это произошло. Неподалеку от загона.

Прохладный вечерний воздух, наполненный пронзительными запахами вступающей в свои права весны, вдруг загустел, образовав студенистый куб с гранями в десять футов. Несколько мгновений куб подрагивал, напоминая брошенное на стол прозрачное желе, а затем стал медленно сжиматься внутрь, дрожа все сильнее, но не помяв ни единой травинки. Прошло несколько секунд, и там, где только что высился загадочный студень, медленно, словно изображение на фотобумаге, проявилась тяжелая дубовая дверь с изысканной золотой ручкой. Просто дверь, без коробки и наличников, висящая примерно в пяти дюймах от земли. Наблюдателей в этой части «Девонширской аллеи» не оказалось, а потому странное появление странной двери не привлекло ненужного внимания и сопровождалось лишь испуганным ржанием лошадей.

Еще через пару мгновений, когда дверь перестала дрожать, а ее линии приобрели окончательную четкость, золотая ручка плавно опустилась вниз и медленно открылся прямоугольный проем, заполненный глубокой тьмой. При открытии дверь даже скрипнула так, словно ее несуществующие петли давным-давно потеряли несуществующую смазку. Лошадиное ржание стало громче. Из двери неспешно вышел плечистый мужчина сорока – сорока пяти лет на вид, одетый в грубую белую рубаху, заправленную в такие же грубые штаны. На левом плече мужчины висел тощий и очень потрепанный рюкзак. Пару секунд пришелец стоял в проеме, с наслаждением вдыхая вечерний воздух, затем провел рукой по зачесанным назад длинным светлым волосам, поправил стягивающий их в хвост кожаный ремешок, снова огляделся, улыбнулся и сделал шаг вперед.

– Я дома!

Дверь, традиционно скрипнув, затворилась и сейчас же принялась бледнеть, растворяясь в наступающих сумерках, стирая всякое напоминание о своем появлении. Мужчина же

скептически огляделся, потер подбородок, словно о чем-то советуясь сам с собой, пожал плечами и поднес к большим светло-серым глазам украшающий правый мизинец перстень. Крупный желтый камень замерцал изнутри.

– Я дома, – повторил мужчина. – И я не ошибся.

Он дошел до здания, уважительно цокнул языком, разглядывая старинные стены, остановился у входа и уверенно воспользовался деревянным молоточком. Когда удивленный дворецкий – охрана должна была предупредить, что к дому едет посетитель! – распахнул дверь, пришелец очень четко произнес:

– Я хотел бы видеть господина Плотникова.

– I don't understand... – Слуга подозрительно оглядел наряд гостя.

– Я хотел бы видеть господина Плотникова, – повторил пришелец по-английски.

Несмотря на странную одежду, посетитель держался очень уверенно, и опытный дворецкий понял, что перед ним отнюдь не бродяга.

– Хозяева ужинают, сэ. Вы можете...

– Я знаю, что я могу, – властно оборвал слугу мужчина. Он говорил с заметным славянским акцентом. – Передайте господину Плотникову вот это. – В ладонь дворецкого опустился перстень. – Передайте прямо сейчас. Это очень важно, мой друг, очень важно. Не бойтесь оторвать хозяина от ужина.

* * *

Москва, Краснохолмская набережная,

17 марта, среда, 06.07

Черная вода еще была обжигающе холодна. Еще попадались редкие льдины, не крупные, но напоминающие о том, что по ночам Москву сковывают последние морозы. Но эти штрихи уходящей зимы не могли помешать вступающей в свои права весне. Запахи, наполненные пробуждающейся жизнью, туманили голову, ощущение свежести не исчезало даже в центре мегаполиса, а утренний ветерок, еще по привычке злой, таил в своем колючем дыхании приветливое тепло. Его порывы легко скользили по водам Москвы-реки, и казалось, ничто не может нарушить сонное величие медленного течения, но неожиданно в самом центре реки появился небольшой водоворот. Плавный ход потока нарушился, легчайшая водяная пыль взметнулась вверх, превратилась в облачко, на мгновение скрыв происходящее от глаз возможных наблюдателей, и через несколько секунд из него выплыла узкая деревянная лодка, на корме которой, задумчиво скрестив руки на груди, стоял мужчина. Лет сорока на вид, с густой, до плеч, гривой черных как смоль волос, коротенькой бородкой и тонкими усиками, он напоминал капитана флибустьеров, неизвестно каким ветром занесенного в современную Москву. Ощущение еще более усиливалось из-за маленькой золотой сережки, украшавшей левое ухо мужчины, и его странного наряда: черные кожаные штаны, мягкие полусапожки, тонкая белая сорочка с кружевами и кожаный же колет. Широкий пояс тоже присутствовал, но, вопреки разыгравшемуся воображению, не было видно ни абордажной сабли, ни пары пистолей. Мужчина был без оружия, но разве в нем достоинство настоящего пирата?

Лодка, несмотря на отсутствие рулевого и гребцов, быстро подошла к гранитному причалу, аккуратно вырезанному на теле набережной, и мужчина ловко выпрыгнул на берег. Постоял пару мгновений, привыкая к земной тверди, а затем не спеша, отчетливо хромая на

правую ногу, поднялся от реки к мостовой. Старая рана не беспокоила мужчину: его шаг был уверенным и твердым, он давно привык к хромоте и не имел ничего против того, чтобы здесь его называли Калекой. Фома Калека – прозвище не хуже и не лучше других. Оставленная лодка медленно растворилась в утренней дымке, растаяла, не оставив следа, так, словно была бесплотным фантомом, а не выдерживала только что тяжесть широкоплечего пирата. Может, она действительно была призраком, но вот привезенный лодкой пассажир обладал и плотью и кровью. И верой.

Поднявшись на набережную, он перекрестился на купола Новоспасского монастыря, улыбнулся им, как старым, давно не виденным знакомым, а затем с интересом оглядел окружающие монастырь здания.

– Кажется, здесь многое изменилось.

Безликие ящики жилых домов справа от моста, торчащий шпиль сталинской высотки, коробка разноцветных карандашей на противоположном берегу, претендующая на звание современного бизнес-центра... Фома оглядел все. Оглядел медленно, старательно впитывая новые образы, привыкая к ним. Затем погладил левой рукой бородку:

– Размах впечатляет.

Промчавшаяся по набережной «Тойота» также привлекла внимание Калеки. Некоторое время Фома смотрел вслед удалявшемуся автомобилю, еще пару минут посвятил изучению асфальта и нанесенной на дорогу разметки, а уже следующие автомобили воспринял как обыденность и лишь пробормотал, пригнувшись к выхлопным газам:

– Любопытно, весьма любопытно.

* * *

Цитадель, штаб-квартира Великого Дома Навь

Москва, Ленинградский проспект,

7 марта, среда, 06.07

Те немногочисленные обитатели Тайного Города, которым доводилось бывать в знаменитой Цитадели, неприступной штаб-квартире Великого Дома Навь, единодушно отмечали идеальный порядок, который царил в твердыне Темного Двора. Все, абсолютно все, начиная с ухоженного внутреннего двора и заканчивая самым отдаленным уголком крепости, всегда пребывало в состоянии «только что вымыт и подстрижен». Окна блестят, двери не скрипят, а между дорожкой и бордюрным камнем нет и намека на грязь. Другими словами, несмотря на то, что многие помещения Цитадели были освещены гораздо слабее, чем хотелось бы гостям, в этой темноте можно было встретить все, что угодно, кроме пыли.

И только один кабинет, или, правильнее сказать, логово, разительно отличался от старательно вылизанных помещений штаб-квартиры навов. Там полумрак, здесь – море света из многочисленных окон. Там стерильная чистота, здесь – действующие и давно вышедшие из строя компьютеры, провода и микросхемы, колбы с колдовскими растворами и древние бронзовые конструкции, валяющаяся там и сям одежда, стол для игры в карамболь, пакетики из-под орешков, коробки из-под пиццы и даже куски засохших бутербродов. Двухэтажная берлога

«ласвегасов», личных аналитиков комиссара Темного Двора, не была образцом порядка, зато создавала неповторимый уют обжитой помойки.

Из навов сюда, не морщась, заходил только Сантьяга.

Казалось бы, мрачные и не склонные к сантиментам основатели Темного Двора никак не должны были терпеть в своей штаб-квартире такого безобразия, но Доминга, нав-предсказатель, и его напарник Тамир Кумар, шас, специалист по математической логике, заслуженно считались гениями анализа, и им многое сходило с рук. Тем более такая мелочь, как обустройство рабочего кабинета по своему вкусу. И особенно учитывая то, что именно из этой электронно-магической свалки Темный Двор осуществлял контроль за Тайным Городом, и ни разу у колючих навов не было повода для нареканий – работали «ласвегасы» на совесть.

Отдыхать они тоже умели.

И в тот момент, когда подал голос мощный, но **ОЧЕНЬ** пыльный компьютер, аналитики как раз переживали последнюю стадию качественно проведенного отдыха – они не переживали ни о чем. Заголосившая машина пряталась в самом дальнем углу кабинета, поэтому сигнал дошел до «ласвегасов» не сразу, но все-таки дошел и становился все громче и громче, вдребезги разбив нежный хрусталь волшебной умиротворенности заслуженного отдыха.

– Черт! – простонало тело Тамира. Оно покоилось в огромном кожаном кресле на колесиках и не имело никакого желания приступить к работе. Оно хотело только покоя и чтобы не болела голова. – Кто-нибудь, выключите это...

Валяющийся на диване «кто-нибудь» не отреагировал. В отличие от друга, Доминга не нашел сил даже на то, чтобы открыть глаза. Сигнал повторился: очнувшийся компьютер настырно искал хозяев, и не было никакой надежды, что безумная железка удовлетворится самостоятельно. Кумар, бормоча невнятные проклятия, засеменил ногами по полу, и кресло послушно покатило к затягивавшему агрегату.

– Уничтожь этот хард, – простонало тело Доминги, когда кресло проезжало мимо дивана.

– Если найду молоток – обязательно, – пообещало тело Тамира. – Где сок?

– Ни звука! – велело тело Доминги и отвернулось лицом к стенке. – Уничтожь хард и скройся, я тебя ненавижу.

– Ты должен был предвидеть, что все закончится именно так.

– Я тебя ненавижу, – повторил лучший предсказатель Тайного Города.

Компьютеру надоело попискивать, и теперь из угла доносилось истеричное завывание.

– Иду, иду...

Проезжая мимо холодильника, Тамир снял с потайной полки пакет томатного сока, а с одного из придорожных столов схватил стакан. Поэтому к оскандалившемуся компьютеру кресло подвезло не полуживое тело, а крупного специалиста по математической логике, правда, находящегося не в лучшей форме.

– И стоило так орать?

Кумар с наслаждением глотнул густую красную жидкость, страдальчески посмотрел на монитор... и отшвырнул недопитый стакан в сторону. На полу радостно образовалась томатная лужа, но специалисту по логике было плевать на подобные житейские мелочи.

– Доминга, сюда! – Тамир лихорадочно застучал по клавиатуре. – Быстро!!

– Прохладная ванна, апельсиновый сок и кофе, – категорически отрезал Доминга. – Только это поможет мне выжить в страшном мире.

– Могу предложить любопытную ситуацию и непрерывную работу на ближайшие дни, – отрезал Кумар. Шас окончательно стряхнул с себя утреннюю усталость и не отрывал взгляд от монитора. Веки почти не дрожали. – У нас проблемы, старик.

Доминга, кряхтя, поднялся на ноги, подошел к напарнику, и несколько секунд «ласвегасы» молча рассматривали картинку на экране.

– Красиво? – не выдержал Кумар.

– Симпатично, – согласился нав.

– Догадываешься, что это значит?

– Кто из нас предсказатель? – сварливо осведомился Доминга. – Я даже знаю, кто будет вытирать вот эту лужу.

Тамир задумчиво посмотрел на разлитый томатный сок, усмехнулся и щелкнул пальцем по монитору:

– Тогда почему не предсказал?

– Такие штуки мне не по зубам, – честно признал нав.

Огромный экран был разделен на несколько окон. Правое верхнее показывало земной шар, оплетенный разноцветными линиями магических полей. В левом верхнем углу торопливо бежали цифры – Тамир успел запустить расчеты. А вот в основном, в самом большом окне демонстрировалась виновница торжества – пронзившая пространство белая воронка. Она-то и вызвала глобальное возмущение полей.

– Сейчас позвонит комиссар, – буркнул предсказатель.

– О, ты снова в форме, – улыбнулся шас.

– Очень смешно, – нав огляделся в поисках телефона.

– Скажи ему, что мы все знаем.

– И не мы одни, – вздохнул Доминга. – Ставлю обед в «Савое» против дырки от бублика, что весь Тайный Город уже стоит на ушах. – Телефон зазвонил, предсказатель снял трубку и доложил: – Комиссар, мы все знаем.

– Подробности, пожалуйста, – вежливо попросил Сантьяга.

– Прокол полей продолжался шестьдесят девять секунд, – доложил Тамир, успевший подключиться к разговору по параллельной линии. – Привязка к конкретным координатам отсутствует: у воронки было широкое горлышко, к тому же она быстро двигалась. Направление – с запада на восток. В зону попала огромная территория: от Лос-Анджелеса до Тайного Города. – Кумар прищурился на расчеты. – Эхо длилось девятнадцать секунд. Выявлены кратковременные сбои в работе Источника. Уверен, у людов и чудов то же самое. Сейчас все приходит в норму. Сеанс окончен.

– Шестьдесят девять секунд, – задумчиво произнес Сантьяга.

– Не забудьте о нарастании и спаде сигнала, – добавил Кумар. – Семь секунд до и семь секунд после.

– Был всплеск?

– Один, – подтвердил Тамир.

– Координаты?

Шас развел руками так, словно грозный собеседник мог видеть его огорчение:

– Увы, комиссар, шум воронки глушил практически все. Мы даже не видели всплеск, то, что он был, рассчитал компьютер.

– Один всплеск? – после короткой паузы уточнил Сантьяга.

– Мы считаем – да.

– Благодарю, – задумчиво произнес комиссар. – Пожалуйста, продолжайте расчеты. Постарайтесь, если получится, смоделировать процесс. Возможно, вы сможете определить координаты всплеска.

– Разумеется, комиссар.

– Кстати, мы правильно поняли? – зачем-то спросил Доминга. – Это прокол дальнего перехода?

Черные глаза предсказателя не отрывались от белой воронки.

– Да, вы все поняли правильно, – согласился Сантьяга. – Большая Дорога снова открыта. – Он помолчал. – Странники вернулись.

* * *

Москва, улица Марксистская,

17 марта, среда, 06.54

– Марксистская, – громко прочитал Фома название, нахмурился, задумчиво погладил бородку, словно припоминая, а затем его брови чуть приподнялись, демонстрируя легкое удивление. – Гм... Его еще читают? – Он перевел взгляд на прямую, словно арбалетный болт, улицу, по которой сновали редкие машины, и повторил: – Марксистская. Занятно... Что же, черт побери, у вас случилось?

Если этот вопрос и был обращен к немногочисленным прохожим, то они на него никак не отреагировали. Слова повисли в воздухе, оставив Калеку наедине с его недоумением. Впрочем, живые серые глаза Фомы выдавали в нем человека предприимчивого, и не оставалось сомнений в том, что рано или поздно он сумеет удовлетворить свое любопытство. Пока же Калека, не обращая никакого внимания на косые взгляды, которыми москвичи награждали его развевающиеся на ветру кружева, вышел к мостовой и огляделся. С одной стороны Марксистской застыли в строю грязно-фиолетовые дома, между которыми затесалась сравнительно новая сероватая башня, выполненная с претензией на High-Tech. Противоположный берег улицы оккупировали низкорослые ящики, неказистые и лишенные даже намека на архитектурные излишества. Калека посмотрел на них с жалостью.

– Кто догадался построить эту гадость в центре города?

Унылость построек немного скрашивали опоясывающие первые этажи разноцветные вывески, одна из которых, зеленая и солидная, привлекла особое внимание Фомы. «Сбербанк».

– Деньги, как я понимаю. – Калека почесал бровь. – Это любопытно.

Фома окинул фасад банка оценивающим взглядом, усмехнулся и уже почти сделал шаг по направлению к центру сбережений, когда прямо рядом с ним резко остановился массивный автомобиль.

– На кой пень тебе бабло, брателло? Мы же кемарить на хату едем! – Пиявка удивленно посмотрел на напарника. – Чего тормозим?

– Я Гансу должен, – хмуро ответил Борщ. – Он в десять притащится.

– А...

Пиявка зевнул, скучаяще проследил, как напарник направился к банкомату, а затем перевел взгляд на стоящего в двух шагах от машины черноволосого мужчину.

– Клоун, блин! – Губы Пиявки презрительно скривились.

Тонкий, хищный нос с маленькой горбинкой, черные усики, черная бородка... ну, это еще ладно, терпимо. Но вот золотая серьга в левом ухе, кусочек цветной татуировки, вылезавший на шею, и – самое главное! – кружевной воротник сорочки вызвали у Пиявки искреннее отвращение. По работе ему приходилось встречаться с разными людьми, в том числе и с представителями сексуальных меньшинств, но Пиявка только в редких случаях – чего не сделаешь ради бизнеса? – скрывал от них свою глубокую неприязнь. Сейчас же он не считал нужным ограничивать себя в проявлении эмоций. Стекло плавно опустилось вниз, и бандит смачно плюнул на землю.

– Петух!

Черноволокый недоуменно огляделся, не обнаружил поблизости ничего, что напоминало бы курятник, и покосился на Пиявку с легким удивлением.

– Кто петух? – поинтересовался набивший лопатник Борщ, влезая на соседнее сиденье джипа.

– Да вот, блин! – Пиявка кивнул на незнакомца. – Достали эти пи...

Тем временем черноволокый, хромая, подошел к машине, уважительно ткнул носком сапога крышку, провел пальцем по фаре и в завершение, подойдя ко все еще открытому окну, вежливо поздоровался. Пиявка поморщился:

– Чего надо?

– Прошу прощения за беспокойство, сударь, – со всей возможной вежливостью произнес Фома. – К сожалению, в этот ранний час никто более не сможет удовлетворить мое любопытство, поэтому я вынужден обратиться к вам.

«Ну, точно педик!» – укрепился в своих подозрениях Пиявка.

– Чего надо?

– Скажите, я правильно понял: то, в чем вы сидите, – автомобиль?

Бандиты изумленно переглянулись. Надо сильно постараться, чтобы придумать более идиотский вопрос.

– Ну?

– Великолепно! – Хромой улыбнулся. – И это, – он небрежно махнул рукой вдоль стоящих у обочины машин, – это тоже автомобили?

– Ну?

– Все?

– Ну.

– Как все изменилось. – Несколько секунд Калека с интересом разглядывал приборную доску джипа, затем, чуть меньше по времени, изумленных бандитов, после чего отвесил легкий полупоклон. – Благодарю вас.

Развернулся и спокойно захромал прочь. Уголовники оторопело переглянулись.

– Это... – Борщ поднял брови. – Я не врубился. Он, типа, нас опустил?

– Как это?

– Типа, мы тупые, на дешевой тачке катаемся. Или я не понял?

– Ща выясним, брателло! – Опомнившийся Пиявка решительно выскочил из салона. – Эй ты, п...!

Черноволокый продолжал неспешно двигаться вдоль улицы. Со стороны могло показаться, что он не расслышал вопль бандита, но более внимательный наблюдатель наверняка бы заметил синий огонек, сверкнувший в руке хромого, а уж совсем внимательный и понимающий с легкостью бы почувствовал, как занавес морока скрыл собеседников от окружающего мира. Пиявка же, на свою беду, чувствительностью к магической энергии не обладал.

– Стоять, б...!

Бандит в несколько прыжков догнал Калеку, но едва он собрался схватить обидчика за плечо, как хромой неожиданно ловко развернулся и сделал маленький шаг в сторону. Совсем малюсенький, но совершенный очень вовремя, как раз в тот момент, когда нужно. Пиявка нелепо взмахнул рукой, с трудом сохранил равновесие, но рассвирепел еще больше.

– Ты чо, глухой, б...?

– Нет, – пожал плечами хромой.

– Тогда, какого ... ты здесь ходишь?

– Замечательная логическая цепочка, – рассмеялся Калека и тут же посерьезнел. – Мне казалось, наш разговор окончен. Мы прощались.

– А мне по ..., что тебе там казалось! Смирно стой!

– Для чего?

– Пошел на ...!

Возможно, если бы вылезший из джипа Борщ оставался в нескольких шагах от собеседников, контролируя ситуацию издали, события бы развивались по другому сценарию. Но он, увы, решил присоединиться к напарнику и также направился к хромоту – концерт обещал стать забавным.

Так, собственно, и получилось.

Длинные, «музыкальные» пальцы Фомы железными штырями впились в горло Пиявки и вырвали выпирающий кадык. Доля секунды. Следующее движение – молниеносный разворот... Борщ среагировал, успел выбросить вперед руку, блокируя удар хромого, и у него получилось – несущие смерть пальцы не достигли шеи уголовного. Но Калека, изогнувшись самым невероятным образом, ловко направил каблук сапога в лоб бандита.

И, перед тем как погрузиться во тьму, Борщ успел подумать, что человек не способен ТАК извернуться.

Сознание вернулось резко, сразу. Не было мучительного тумана, кругов перед глазами, вороха неясных мыслей и противного гудения, отдающегося в каждой клеточке мозга. Не было ничего из стандартного набора ощущений, сопровождающих возвращение в реальность. Борщ просто включился и открыл глаза.

– А?!

– Мы подрались.

Калека расположился на соседнем сиденье. Курил ЕГО сигарету и копался в ЕГО лопатнике. Причина резкого пробуждения стала понятна сразу: хромой попросту затушил предыдущий окурочок о щеку Борща, и теперь в салоне пахло горелым мясом. Пришла боль, заставив бандита скривиться и тихо выругаться.

– Ты покойник.

Калека выпустил дым в лицо уголовного, но его большие серо-стальные глаза остались равнодушными. Казалось, слова бандита не доходят до сознания хромого.

– Ты покойник, – повторил Борщ. – Тебе п... Найдут и выпустят кишки. Чемберлен всегда мстит за своих. Понял? Тебе выпустят кишки, урод.

– Давно не курил, – подумав, сообщил Калека. – Там, где я был, хороший табак большая редкость. – Он с наслаждением затянулся и пустил пару колец. – А сигары у тебя нет? Я люблю сигары.

– Ты откинулся, что ли, недавно? – насупился Борщ.

Заставив себя не обращать внимания на боль, он огляделся и оценил ситуацию: ремень безопасности грубо притягивает тело к водительскому сиденью, руки прикованы наручниками к рулю, ключей в замке зажигания нет. Странно, что хромой не удрал: утро раннее, но люди на улицах были, и кто-нибудь обязательно сообщит в полицию о драке. «А может, уже сообщил?» Мысль согрела душу, но Калека вел себя настолько спокойно, что радость Борща длилась недолго. «Почему же этот хмырь не удрал?» Краем глаза Борщ заметил лежащего на заднем сиденье Пиявку: голова вывернута под неестественным углом, стеклянные глаза таращатся в потолок. Все понятно. «Прости, братан, постараемся за тебя отомстить».

Хромой сделал еще пару глубоких затяжек, предоставляя пленнику возможность прийти в себя и осмотреться, после чего невозмутимо произнес:

– Я нашел у тебя несколько забавных вещей. – Он показал бандиту мобильный телефон. – Что это такое?

– А? – Как и в прошлый раз, когда черноволосый спрашивал о машине, до Борща не сразу дошел смысл вопроса.

– Ты идиот? – безразлично поинтересовался Калека и, продолжая держать телефон в руке, повторил: – Что это?

– Мобильник... Телефон, в смысле.

– Телефон? Почему без провода?

Несколько секунд бандит оторопело таращился на хромого.

– Это мобильный телефон. Без проводов. Его с собой носят.

– Очень удобно, – одобрил Калека. Теперь он выглядел очень серьезным. – А на эти кнопки надо нажимать, чтобы указать нужный номер?

– Умный ты, – буркнул уголовник.

– Я знаю, – согласился черноволосый и небрежно бросил трубку на пол.

– Зря выбрасываешь, – чересчур поспешно произнес Борщ. – Возьми себе. Это хорошая модель, последняя. Самая дорогая на рынке.

Фома посмотрел себе под ноги, затем перевел взгляд на бандита и улыбнулся:

– Но ведь это твой телефон, правда? И по нему можно будет найти меня. Правильно?

Пусть он только знакомился с новыми реалиями, еще многого не знал об окружающем мире, зато обладал умением делать правильные выводы. Калека сложил все, что знал о телефонах, с полученной от Борща новой информацией, обдумал ее и получил единственно верный итог: трубка для него вредна и опасна. Уголовник отвернулся.

– Значит, правильно, – улыбнулся Фома и каблуком раздавил самую дорогую на рынке модель.

На некоторое время в салоне джипа наступила тишина. Калека дотянул сигарету, секунду повертел в руке дымящийся окурочок и бросил быстрый взгляд на щеку пленника – Борщ непроизвольно дернулся. Фома хмыкнул, выбросил окурочок в окно и вернулся к делам. Добычу хромой складировал прямо на торпеду: два пистолета и две запасные обоймы к ним, документы, ключи, золотая зажигалка Пиявки, опустевшие бумажники... Фома небрежно перебрал вещицы и вновь повернулся к бандиту.

– Что это такое? – Теперь его интересовала пластиковая карточка.

Борщ понимал, что, пока он отвечает на вопросы, хромой его точно не убьет, и не возражал против продолжения интервью. «Время, главное – время! Кто-нибудь должен был вызвать полицию!!»

– Кредитная карточка. На ней лежат деньги. В банке.

Пауза, чтобы сделать очередной вывод.

– Ты управляешь счетом с ее помощью?

– Угу.

– А если тебе нужны деньги, ты идешь к такому ящику? – Кивок в сторону банкомата. – И снимаешь наличные?

– Угу.

– И это удобно. – Хромой пересчитал извлеченные из бандитских лопатников купюры. – Пять тысяч триста двадцать. – Помолчал. – Это много?

– Прилично, – буркнул Борщ. Он уже перестал удивляться странным вопросам.

– Насколько прилично?

– Ну... – Бандит наморщил лоб, припоминая реалии окружающего мира. – Хороший работяга зашибает в месяц вполтину меньше.

– Значит, ты очень хороший работяга?

– Угу.

– Проверим. – Калека открыл дверцу машины.

Борщ с кислой миной посмотрел в спину направившегося к банкомату хромого. «Скотина! Спокойная, хладнокровная скотина! Драка в центре Москвы, труп на заднем сиденье, пистолеты на торпедке... А этот хмырь преспокойненько идет к банкомату за наличными! Что происходит в мире? Или это сон?» Борщ попытался освободиться, но быстро понял, что Калека сковал его со знанием дела: оторваться от сиденья, чтобы, например, выбить лобовое стекло

ногами и привлечь внимание окружающих, было невозможно. По просыпающейся улице неслись легковушки и вездесущие «Газели», и не было никому никакого дела до того, что происходит за тонированными стеклами массивного джипа. Борщ захотелось плакать. Не от страха. От бессилия.

– Очень удобно, – сообщил вернувшийся хромой, бросая на сиденье ворох купюр.

У бандита отвисла челюсть: сотни, полусотенные... Калека притащил раза в три больше денег, чем было на карточке, на глазок – тысяч шестьдесят! И даже не спросил пин-код!!

– Ты чо, взломал банкомат?

– Банкомат, – повторил хромой. В его руке откуда-то появился небольшой кожаный мешочек. – Красивое слово.

Фома развязал веревочку и принялся методично запихивать во чрево мешочка купюры. Еще, еще, еще... Борщ не верил своим глазам: разинутая пасть кожаного обжоры поглощала бумажки, а мешочек и не думал увеличиваться в размерах! «Я сплю! Это сон! Сон!!»

– Я не стал ломать ящик, – рассказывал тем временем хромой. – Полиция наверняка следит за бан-ко-ма-та-ми, ведь в них лежат деньги. Просто я нашел способ, как сделать твою карточку похожей на другие. Обманывать механизмы меня научили в Филиане, и, представляешь, – сработало!

Он явно гордился своей сообразительностью.

Последняя бумажка исчезла в ненасытном чреве, за ней последовал один из пистолетов и все запасные обоймы. Фома завязал веревочку, и мешочек, словно живой, юркнул куда-то под одежду. Борщ, пытаясь избавиться от наваждения, потряхнул головой.

– Твоя карточка. – Калека бросил пластиковый прямоугольник на торпеду. Помолчал, потер глаза. – Скажи, вы ведь с приятелем разбойники?

– Угу, – вздохнул Борщ.

– Я так и подумал, – не стал скрывать хромой. – Папа с мамой, наверное, разочарованы?

– Не разочарованы! – хмыкнул уголовник. – Я им бабла на жизнь каждый месяц отваливаю немерено. Чего им вопеть?

– Быть разбойником плохо, – строго заметил Фома. – А гордиться этим ужасно.

Он ловко снял пистолет с предохранителя, приставил ствол вплотную к груди Борща и выстрелил. Уголовник обмяк.

– Недурно, – одобрил Калека мягкость спуска и несильную отдачу. – Совсем недурно.

В руку вновь прибежал мешочек. Фома спрятал в него оружие, смахнул с торпеды пачку сигарет, зажегалку и прищурился на веселое утреннее солнце.

* * *

Офис компании «Неприятные Ощущения»

Москва, улица Большая Лубянка,

17 марта, среда, 09.37

– Какие дивиденды, Юрбек?! Отель работает всего два месяца! – Кортес собирался сказать еще кое-что, но было видно, что собеседнику удалось вклиниться между фразами наемника и быстренько изложить свое видение ситуации. Кортес недовольно засопел, но выслу-

шал тираду, после чего прежним, безапелляционным тоном закончил: – Я знаю, что клиенты выстраиваются к нам в очередь, но это ничего не значит – все средства мы пускаем в развитие бизнеса! Мне нечего больше сказать! В следующий понедельник Биджар хочет провести собрание акционеров, там и выскажешься. Привет!

Кортес с омерзением вернул телефонную трубку на аппарат и посмотрел на вошедшую Яну:

– Где Инга?

– Они с Артемом задерживаются. Она звонила и...

– Менеджер, которого подсунул Биджар, заболел, и этот гад не нашел ничего лучшего, как перевести все входящие звонки на наш телефон, – мрачно сообщил Кортес. – Здесь никого нет. Я приехал к девяти и уже тридцать семь... нет, тридцать восемь минут только и делаю, что говорю по телефону.

– Это бизнес, – ответила Яна.

– Это не бизнес, а каторга. Бизнес – это когда я расслабляюсь в кресле, наблюдая за ростом денег и благоприятными котировками.

– Ты стареешь и становишься ленивым.

– Ты уверена? – Он притянул девушку к себе.

– Конечно, нет. – Яна положила руки на широкие плечи Кортеса. – Просто у тебя плохое настроение.

– Было плохое, – уточнил наемник. – Пока не пришла ты.

Они были великолепной парой. Высокие, стройные, уверенные в себе и любящие друг друга. И кого волновало, что лишённую волос голову Яны украшала витиеватая подпись Азаг-Тота, а глаза навеки закрыло тяжелое золото Кадаф? Яна была последней на Земле гипербореической ведьмой, но для лидера лучшей в Тайном Городе команды наемников она была не последней – единственной.

– Я хотела сказать... – начала Яна.

– Извини... – Кортес дотянулся до зазвонившего телефона.

– Да? Нет! Оформить заявку лучше всего через Интернет! Это сделано для вашего удобства! Приезжать лично не надо... Клянусь печенкой Спящего, вы что, читать не умеете? На сайте прямо сказано: места в отеле забронированы вплоть до сентября, если будут появляться горящие путевки, о них в первую очередь уведомляются... К черту!!

С тех пор как наемники стали совладельцами модного курорта в Карибском море, их жизнь засверкала новыми, неведомыми доселе красками. Благодаря стараниям Биджара Хамзи, одного из директоров Торговой Гильдии и по совместительству вице-президента компании «Неприятные Ощущения», от клиентов не было отбоя. В буквальном смысле слова. Но если до сих пор трудовые будни рядовых сотрудников фирмы мало волновали Кортеса, то теперь он вкусил их в полной мере. Даже подавился.

Наемник швырнул трубку и тут же вытянул из кармана затрепетавший мобильный:

– Да? Кто?! Привет, Христофан. Да, слышал. Нет! С кем ты договаривался? С Ингой? Звони ей на мобильник! У меня срочное совещание! – Кортес с ненавистью вернул трубку в карман. – Инга договорилась с приставниками, чтобы они притащили к острову еще два галеона. Христофан в принципе согласен, но хочет не фиксированную плату, а долю в предприятии. Инга обещала подумать, а сама смылась куда-то с Артемом и выключила телефон. – Наемник помолчал. – Я хочу кого-нибудь убить.

– Может быть, дорогой, в ближайшее время у тебя появится такая возможность, – негромко произнесла девушка.

Она налила себе кофе и грациозно опустилась в кресло.

– Что-то случилось?

Яна утвердительно кивнула головой. И улыбнулась: стоящий на столе телефон вновь заверещал.

– Все понял, – кивнул Кортес и, не обращая внимания на разрывающийся телефон, вновь достал мобильный. – Биджар? Это я. Тут такое дело, старик, у меня звонит телефон... Я понимаю, что это замечательно, что это клиенты, деньги и все такое прочее! Не перебивай. Так вот, Биджар, у меня звонит телефон. Сейчас я сниму трубку, и, если на проводе окажется очередной клиент, жаждущий провести две недели в отеле, я приду и застрелю тебя... – Наемник покачал головой, выслушивая объяснения шаса, а затем решительно оборвал его: – Я понимаю, что убивать вице-президента собственной фирмы безнравственно, но у меня нет иного выхода, Биджар! ГДЕ ТВОЙ МЕНЕДЖЕР!!! Болеет? Найди ему замену! Хватит экономить на друзьях!

Кортес отключился и посмотрел на звенящий телефон. Нахальное устройство выдало еще два истеричных писка, после чего замолчало.

– Будем надеяться, что он одумался, – пробормотал наемник. – Мне было бы неприятно убивать старого друга. – Он подошел к Яне и пристроился рядом, на краешке стола. – Теперь я готов выслушать тебя очень внимательно.

Девушка сделала маленький глоток кофе, поставила чашку на стол и задумчиво прикоснулась пальцами к украшающей голову татуировке.

– Помнишь, я говорила утром, что почувствовала очень странное возмущение магических полей?

– Конечно, – кивнул Кортес. – Ты была крайне удивлена, что не смогла понять его причину.

– Я заехала к Генбеку и посмотрела несколько книг, – медленно проговорила девушка. – Возмущение, которое я почувствовала утром, было вызвано открытием Большой Дороги.

– Что такое Большая Дорога? – тихо спросил наемник.

– Переход во Внешние миры.

– Но эта технология утеряна, – прищурился Кортес. В его карих глазах запыхал охотничий огонек. – Миры разделены уже тысячи лет. Великие Дома официально признали, что дверь закрыта.

– Значит, кто-то нашел ключ.

* * *

Цитадель, штаб-квартира Великого Дома Навь

Москва, Ленинградский проспект,

17 марта, среда, 12.12

Учитывая важность происходящего, в кабинете князя Темного Двора собрались все лидеры Великого Дома Навь – одного из трех могущественных кланов, некогда, задолго до появления людей, правивших Землей. В помещении без окон и дверей, в помещении, до краев наполненном непроницаемым мраком, находились пятеро. Закутанный в черный плащ князь, сгорбившийся на простом деревянном кресле с прямой спинкой. Три советника Темного Двора – едва заметные фигуры в темно-синих балахонах. Лица ближайших сподвижников князя, как и лицо самого повелителя, были скрыты капюшонами. А вот последний из присутствующих,

Сантьяга, комиссар Темного Двора, меньше всего походил на порождение тьмы. Высокий, подтянутый, с безукоризненной прической, он был облачен в элегантный светло-серый костюм человеческого покроя, белоснежную сорочку и изысканный галстук. В сумрачном кабинете князя комиссар выделялся, как пятно на Солнце, но это было последнее, что могло его смутить.

– Сомнений нет, – спокойно закончил доклад Сантьяга. – Странники вернулись.

– Странники или Странник? – уточнил один из советников.

– К сожалению, наши наблюдатели не могут точно ответить на этот вопрос, – признался комиссар. – Возмущение полей было примерно таким же, как в прошлый раз, когда вернулся Аристарх Пугач, но о том, что произошло на самом деле, мы можем только догадываться – принципы, на которых профессор Мельников построил свою технологию дальних переходов, нам неизвестны. Возможно, на Землю вернулся один Странник. Возможно – вся Кафедра.

– Замечательно, – не удержался от язвительного замечания советник.

Сантьяга пожал плечами, показывая, что не видит в ситуации своей вины.

– «Ласвегасы» рассчитали, что был только один всплеск энергии, и, соответственно, прогнозируют возвращение одного Странника.

– Где он высадился, нам тоже неизвестно?

– За время рассчитанного нами энергетического максимума горлышко воронки проделало путь от Северной Америки до Центральной России. Она двигалась очень быстро.

– Значит, неизвестно.

– Надо как-то наказать аналитиков, – предложил советник. – Учитывая, какие средства мы вкладываем в их проекты, получать подобные результаты просто оскорбительно.

– Сейчас меня в большей мере занимает сама ситуация, а не разгильдяйство подчиненных Сантьяги, – негромко произнес князь. – Если комиссар сочтет нужным, он сам накажет «ласвегасов».

В помещении установилась тишина. Возвращение даже одного Странника давало надежду на обретение давно потерянного Великими Домами знания – технологии выхода на легендарную Большую Дорогу, дальний переход, способный связать между собой разбросанные в бесконечной Пустоши миры. Сто лет назад Странникам удалось совершить невозможное – прорвать длившуюся тысячи лет блокаду, покинуть Землю, и Великие Дома были готовы на все, чтобы узнать, как им это удалось.

– Мы должны использовать этот шанс, – твердо произнес один из советников. – Обязаны! Знание Странников представляет огромный интерес для Темного Двора, и мы должны сделать все, чтобы получить его. Я рекомендую Сантьяге разработать максимально жесткий план действий и дать комиссару неограниченные полномочия режима боевого времени. Технология Большой Дороги должна оказаться у нас. Стоит ли делиться ею с другими Великими Домами, решим позже.

Сантьяга поморщился, но промолчал, благоразумно ожидая следующего выступления. И оно не заставило себя ждать.

– Во время прошлого возвращения Странника Великому Дому Людъ удалось отстоять свое приоритетное право на разработку операции, и все мы знаем, чем это закончилось. – В голосе второго советника не было агрессии, но его аргументы были весьма убедительны. – Аристарх Пугач погиб, Тайный Город не получил никаких сведений о технологии Большой Дороги, и больше десяти лет мы не были уверены, что Странники опять вернуться. Вторая ошибка может привести к тому, что члены Кафедры навсегда забудут дорогу домой и мечты о технологии Большой Дороги так и останутся мечтами. – Советник помолчал. – Не буду лишним раз хвалить комиссара, но на сегодняшний день мы можем рассчитывать на успех только в том случае, если руководство операцией будет целиком сосредоточено в руках Сантьяги. Надо объяснить это рыцарям и зеленым.

– Они это понимают, – буркнул князь.

– Но не настолько доверяют нам, – тихо поддакнул комиссар. – Уверен, королева Всеслава потребует соблюдения старых договоренностей.

– Учитывая нынешний баланс сил в Тайном Городе, мы можем не обращать внимания на пожелания этой девицы, – высокомерно произнес агрессивный советник. – Ни люди, ни чуды еще не оправились от последствий последней войны. Даже объединившись, они не смогут противостоять...

– У меня нет желания начинать боевые действия, – снова буркнул князь.

– Они не начнутся, – уверенно качнул капюшоном советник. – И в Ордене, и в Зеленом Доме есть аналитики, которые смогут объяснить вожакам, что война означает для них самоубийство. Мы обязаны проявить жесткость – ставка слишком высока!

Снова наступила тишина, теперь все ждали, что скажет третий, молчащий до сих пор советник.

– Я бы хотел послушать комиссара, – проворчала третья фигура. – Не скрою, я согласен с большинством доводов, которые здесь прозвучали. Но мне почему-то кажется, что у Сантьяги есть свой взгляд на происходящее.

Иерархия Темного Двора жестко разграничивала права лидеров семьи: решения принимали князь и советники, комиссар же отвечал за исполнение приказов, и, вообще говоря, когда-то участие главного боевого мага Нави в подобных совещаниях считалось излишним. С появлением на посту комиссара Темного Двора Сантьяги древние законы, разумеется, не изменились. Голос у комиссара по-прежнему был исключительно совещательным, вот только пользовался он им гораздо искуснее предшественников, не позволяя лидерам принимать решения, исполнение которых комиссар считал нецелесообразным.

– Помимо желания князя не будоражить Великие Дома военными угрозами, есть как минимум два момента, которые делают поспешные действия нежелательными для нас, – мягко произнес Сантьяга. – Поверьте, я отдаю себе отчет в ценности технологии Большой Дороги и смог бы надавить на королеву и великого магистра, с тем чтобы заполучить расследование для Темного Двора. Но ситуация сложнее, чем кажется на первый взгляд.

– Любая ситуация всегда оказывается более сложной, чем казалась изначально, – согласился агрессивный советник. – Но иногда, несмотря ни на что, простое решение оказывается самым верным.

– Обычно, если верным оказывается самое простое решение, это означает, что мы очень хорошо управляем ситуацией, – со всей возможной почтительностью сообщил Сантьяга. – В данном случае это пока не так. Мы не имеем рычагов, которые гарантировали бы нам успех мероприятия. Придется много работать, и мне бы не хотелось начинать эту работу с конфронтации.

– Если это все твои аргументы, то они не очень убедительны.

– Я излагал общий взгляд на ситуацию, – с прежней дипломатичностью продолжил комиссар. – Теперь – более конкретно. Первая проблема, о которой я хотел напомнить, – Тать. Участие божественных лордов в работе Кафедры доказано. Нур сотрудничал с Мельниковым и, вполне вероятно, будет искать встречи с вернувшимся Странником. Не стану напоминать, кто такой Нур и на что он способен. Если карлик войдет в игру, наши разногласия ему здорово помогут.

– Чем, например?

– Допустим, Нур предложит обиженным нами Великим Домам свою поддержку. Это изменит расстановку сил в Тайном Городе. Против трех Источников нам не устоять.

– Маловероятно, – протянул агрессивный советник, но в его голосе не чувствовалось прежней уверенности.

Из-под капюшона князя донесся тихий вздох.

– Такое поведение Нура не более чем твое предположение, – заметил второй советник. – Таты никогда не искали союзников среди Великих Домов.

– После поражения Курии и гибели Нара... – Третий, осторожный советник покачал капюшоном. – Согласен с Сантьягой – от последнего лорда можно ожидать всего.

– Но нет уверенности, что Нур в игре!

– Наши аналитики не могут предсказать вероятности развития событий, – негромко сообщил комиссар. – Это косвенный признак участия тата.

Предугадать действия божественных лордов не могли даже самые выдающиеся маги Тайного Города.

Темно-синие фигуры придвинулись ближе друг к другу, и кабинет князя наполнился шелестящим шепотом: советники обсуждали первый аргумент комиссара. Повелитель Нави дал своим помощникам около минуты, после чего негромко спросил:

– Сантьяга, ты говорил, что есть два аргумента в пользу осторожного подхода.

– Напомню, что возвращение Аристарха Пугача оказалось крайне... э-э... неудачным для него лично и для имиджа Тайного Города в глазах Кафедры. Уверен, Странникам небезразлична судьба их друга, и вряд ли они обрадуются, когда узнают, что случилось с Аристархом. Мне бы хотелось, чтобы недовольство гостей было направлено на Зеленый Дом.

– Нам-то какое дело? – не понял агрессивный советник.

– Странники сюда не воевать приехали, – хладнокровно объяснил Сантьяга. – Я считаю, что есть надежда договориться с ними на взаимовыгодных условиях... Ничего сложного, главное – заставить их говорить без истерики. Но если мы с самого начала возьмем расследование в свои руки, то темное пятно – судьба Аристарха Пугача – ляжет на нас, а это не лучший фон для конструктивных переговоров. Пусть проблемы расхлебывают подданные королевы Всеславы, в конце концов, зеленые заварили кашу. – Комиссар улыбнулся. – А мы появимся после того, как улягутся страсти.

– Проблема Тать и возможность переговоров с Кафедрой, – подытожил повелитель Темного Двора. – Советники?

И снова шелестящий шепот...

– После поражения Курии у Нура осталась только одна линия Тать...

– Он мог спрятать семя и хранить его сколь угодно долго. Человские технологии это позволяют. Нуру нет нужды заботиться о Чио и ее ребенке...

– Линия Глеба сильна. Древняя кровь проявилась в нем необычайно ярко, а потому Чио и ребенок важны для лорда. Идея спрятать их во Внешних мирах могла показаться Нуру удачной...

– Если Тать покинет Землю, один Спящий знает, когда мы сумеем избавиться от их поганой крови...

– При удаче мы сможем получить и Странника, и татов...

– Но мы не должны давать Нуру лишние козыри. Жесткая позиция подтолкнет рыцарей и зеленых в объятия лорда...

Сантьяга невозмутимо снял с пиджака несуществующую пылинку.

– Нам показались разумными доводы комиссара, – громко объявил один из советников. – Пусть он сохранит единство Великих Домов и проводит расследование, исходя из своего видения ситуации.

– Благодарю за оказанное доверие. – Сантьяга отвесил элегантный поклон. Ни тени сарказма, ни намек на иронию, комиссар благодарил советников с максимальной искренностью, но все понимали, какое удивление вызвало бы у него любое другое решение.

– Хорошо, – удовлетворенно прошипел князь. – Сантьяга, ты не боишься, что люды наломают дров и вернувшемуся Странника постигнет судьба Пугача?

– Я не сомневаюсь – Кафедра догадывается, что случилось с Аристархом, и соответствующим образом подготовила визитера. Он ждет неприятностей и сумеет их избежать.

– Логично, – не стал спорить князь. Повелитель Нави помолчал. – Ты не хочешь удалить из города Кортеса и его команду? Пусть шасы дадут им контракт где-нибудь в Австралии.

– Я просто не буду подключать их к работе, – улыбнулся Сантьяга.

– У наших друзей потрясающая способность влипать в события самостоятельно. К тому же гиперборейская ведьма наверняка почуяла открытие дальнего перехода.

– Вы знаете мое мнение на этот счет, князь, – вежливо поклонился комиссар. – Если событие должно произойти, оно произойдет. Нет ничего случайного.

– Случайного в мире действительно мало, – согласился лидер Темного Двора. – Кортес – наемник, но интересы челов для него не пустой звук. Ты сумеешь направить его энергию в нужное русло?

– Я постараюсь, – кивнул комиссар.

– Мне кажется, эта тема недостойна обсуждения, – проворчал один из советников. – Прикажите наемникам не вмешиваться, и все!

Князь хрюкнул, и все поняли, что он ждет ответа Сантьяги. Уши комиссара чуть заострились. Он повернулся к высказавшемуся советнику и медленно, очень медленно и очень вежливо произнес:

– Наши взаимоотношения с Кортесом длятся уже давно. И прийти они могут к одному из двух состояний: либо наемники попадают в полную зависимость от Темного Двора, либо станут партнерами. Мне домашние животные не нужны.

Князь издал еще одно хрюканье и необычно быстро, не давая возможности советнику ответить Сантьяге, поинтересовался:

– Наша позиция определена. Совещание Великих Домов планируется?

– Королева и великий магистр хотели бы поговорить с вами, – подтвердил комиссар.

– В таком случае не будем терять время.

– Искренне рада, что мы сумели собраться так быстро.

Королева Всеслава, повелительница Зеленого Дома, держалась довольно холодно, с изрядной долей настороженности, а потому выбирала простые короткие предложения, которые невозможно истолковать двояко. Чувствовалось, что Всеслава не уверена в крепости своей позиции и готова драться за интересы Великого Дома Людъ. Красивое узкое лицо сосредоточенно, губы плотно сжаты, глаза цепко изучают собеседников. Как и ожидал Сантьяга, рядом с тронем ее величества – в совещании, помимо глав Великих Домов, принимали участие по одному доверенному лицу – расположился барон Мечеслав, славящийся осмотрительностью и хладнокровием.

– Все мы знаем, что случилось, – продолжила королева. – Странники вернулись. И Зеленый Дом желает подтвердить свое приоритетное право на преследование членов Кафедры.

Мечеслав угрюмо кивнул, словно подтверждая слова повелительницы, и машинально положил ладонь на рукоять кинжала.

– В последний раз вы не очень преуспели, – с легкой иронией напомнил Франц де Гир, великий магистр Ордена, повелитель Великого Дома Чудь.

Широкоплечий, рыжеволосый, одетый в бордовый камзол с золотым шитьем, он, единственный из всех лидеров, сидел не на троне, а за столом, точно на таком же стуле, как и его помощник – мастер войны Гуго де Лаэрт.

– В свое время мы уже предоставляли Зеленому Дому право на расследование. И потеряли Аристарха Пугача.

– Я помню о той трагической ошибке, – надменно улыбнулась Всеслава. – Да, мы неудачно встретили Аристарха, зато наши воины приобрели бесценный опыт. Теперь мы будем более осмотрительны.

Франц вопросительно посмотрел на экран навов. Сантьяга дипломатично улыбался, всем своим видом демонстрируя, что следит за ходом дискуссии с глубочайшей заинтересованностью. А князь, по обыкновению, был неподвижен и малоречив. Сгусток мрака, чернеющий справа от белого костюма комиссара, не подавал признаков жизни. Это сбивало с толку. Де Гир был уверен, что чувствующие свою силу навы захотят самостоятельно разобраться со Странниками, готовился сыграть на их сваре с зелеными и теперь лихорадочно искал новую линию поведения.

– Орден предлагает провести совместное расследование, – выдавил наконец великий магистр.

– Это невозможно, – покачала головой Всеслава. – История с Аристархом показала, что Странники не простая добыча. Воины должны понимать друг друга с полуслова, заранее знать, что сделает партнер в следующее мгновение, а сборная команда охотников будет дезорганизована.

– Разумно, – подал голос князь.

Улыбка Сантьяги стала еще шире. Франц недовольно насупился.

– Тем не менее я считаю, что старые договоренности о Странниках должны быть пересмотрены.

– Прошу вас уточнить позицию, – вежливо попросил комиссар Темного Двора.

Мечеслав склонился к королеве и быстро зашептал ей на ухо. Лицо Всеславы осталось непроницаемым.

– Напомню, что Кафедра Странников интересна Великим Домам благодаря двум вещам. Во-первых, собственно технологией Большой Дороги. Это знание должно принадлежать всем нам, и Зеленый Дом давал клятву, что поделится информацией с Орденom и Темным Двором.

– Великий Дом Людь подтверждает свое слово, – веско произнесла королева. – Вся информация о технологии Большой Дороги станет известна Нави и Чуди.

– Мне радостно слышать это, Всеслава, – склонил голову Франц. – Но остается Трон, последний человеческий Источник.

– Есть все основания считать Трон погибшим, – мягко вставил Сантьяга.

– Я не видел обломков, – холодно усмехнулся великий магистр.

– Зафиксированный наблюдателями выход энергии, произошедший во время известных событий, ясно указывает на то, что Источник был разрушен.

– Как бы там ни было, – отрезал де Гир, – я настаиваю на том, что в случае обнаружения Трон должен быть уничтожен!

Королева бесстрастно улыбнулась. И только ОЧЕНЬ внимательный наблюдатель мог заметить, как на мгновение раздулись ноздри ее величества. Раздулись от бешенства.

– Темный Двор согласен, – буркнул князь.

– Мы считаем, что челы замечательно обходились без Источника последние тысячи лет и прекрасно проживут без него и дальше, – поспешил расшифровать высказывание лидера Сантьяга. – При всем моем уважении, королева, хочу напомнить, что Трон, если он все еще существует, конечно, в чем я сильно сомневаюсь, может стать прямым конкурентом Колодца Дождей на рынке магических услуг, и его уничтожение пойдет на пользу Зеленому Дому. Сейчас челы пользуются вашим Источником, и я думаю, что ситуация вполне устраивает Великий Дом Людь.

Франц тонко улыбнулся. Фигура князя слегка подрагивала, но перебивать своего комиссара повелитель Нави не стал. Мечеслав слегка сдавил плечо королевы. Всеслава гордо улыбнулась:

– У нас вызывает недоумение ваша надежда на то, что Трон все еще существует. Зеленый Дом согласен с тем, что последний человеческий Источник должен быть уничтожен.

Если королева и рассчитывала заполучить Трон в распоряжение Великого Дома Людь, то ни жестом, ни голосом не выдала, что ее планы потерпели неудачу.

– Зеленый Дом готов скрепить свое обещание клятвой?

– Разумеется, – подтвердила Всеслава.

– В таком случае Орден не возражает против того, чтобы Странником занимался только Великий Дом Людь. – Франц обвел коллег-повелителей тяжелым взглядом. – Мы готовы ограничиться наблюдением.

– Темный Двор согласен, – повторил князь.

– Ты видел, как разозлилась Всеслава? – Франц усмехнулся и погладил короткую рыжую бородку.

– Она не ожидала, что мы вспомним о Троне, – кивнул Гуго.

– Я не ошибся: людья рассчитывали наложить лапу на человеческий Источник, – медленно протянул великий магистр. – Но почему они думают, что Трон не взорвался во время катастрофы? Клянусь арбалетами Горностаев – только Спящему доступна логика зеленых ведьм!

– Простая надежда? – предположил де Лаэрт.

– Хотелось бы верить, – серьезно кивнул Франц, – что ими движет только ничем не подкрепленная надежда.

– Попробуем сыграть свою игру? – спросил мастер войны Ордена.

Великий магистр покачал головой:

– Не в этот раз.

Брови Гуго удивленно поползли вверх:

– Но...

– Людья откровенно дали понять, что попытаются схитрить, – объяснил свои резоны Франц. – Навы сделали вид, что не заметили этого, а значит, затевают встречную каверзу. Запутывать ситуацию еще больше я не хочу, в конце концов, нам действительно нужна Большая Дорога. Орден будет выжидать. Если зеленые доберутся до Трона, мы объединимся с навами и придавим людью, если Сантьяга ухитрится увести Странника из-под носа у Всеславы, мы выступим против Темного Двора вместе с зелеными.

– Проклятые чуды, – процедила Всеслава, едва погасли связывавшие лидеров Великих Домов экраны. – Проклятый де Гир! Почему он решил поднять этот вопрос?!

– Разумная предосторожность, – развел руками барон. – Франц не желает усиления Люди.

– Но ведь даже навья считают, что Трон погиб, – топнула ногой королева. – Один Спящий знает, почему магистр вспомнил о нем!

– Предосторожность, – повторил Мечеслав.

– Хорошо! – Несколько секунд Всеслава молчала, не позволяя вырваться наружу накопившемуся раздражению, после чего холодно закончила: – В принципе, последовательность наших действий изменится не так уж сильно. Мы захватываем Странника, допрашиваем его, выясняем технологию открытия Большой Дороги, местонахождение Трона и, если человеческий Источник действительно не погиб, а катастрофа была лишь грандиозной мистификацией, празднуем успех. Трон крепко привяжет человек к Зеленому Дому, это сильнейший стратегический ход.

– А чтобы воскрешение Источника осталось в тайне, Страннику придется скоростижно скончаться во время допроса, – закончил барон.

– Да, мой добрый друг, – улыбнулась Всеслава. – Страннику придется умереть.

– В целом все прошло так, как мы хотели, – подвел итог комиссар, выключая экран. – Теперь, князь, прошу извинить, мне пора, появилась масса неотложных дел.

Комиссар улыбнулся, направился куда-то во тьму, но остановился, услышав шипящий шепот повелителя Нави:

– Какова вероятность, что Трон действительно уцелел?

– За теми событиями следили советники, – напомнил Сантьяга. – Их вердикт однозначен: Источник не мог уцелеть в катастрофе.

– На что в таком случае рассчитывали люди?

– Надежда умирает последней, – развел руками комиссар.

– Мне не понравилась их надежда.

– Если мне позволено будет заметить, – язвительно произнес Сантьяга, – проблема Трона снята. Даже если он найдется, мы распылим его объединенными усилиями. Во имя спокойствия Тайного Города. Гораздо больше меня занимают другие события, начало которым положило появление Странника. Очень любопытные события...

* * *

Острова Анжу, Восточно-Сибирское море,

17 марта, среда, 19.00 (время местное)

Где-то уже наступила весна и даже распустились первые цветы сакуры. А где-то и не заканчивалось лето и теплые волны накатывались на песчаный берег так же, как и месяц, и полгода назад. Но здесь, под самой шапкой величественных полярных льдов, начала весны пока не ожидалось. Пронизывающий ветер дружелюбно ласкал белые торосы колючим дыханием, пытаясь придать холодным глыбам одному ему известную форму, солнце дарило только свет, а воды океана были ненамного теплее льдов. Великая белая пустошь, мертвая на первый взгляд, но наполненная жизнью, сумевшей приспособиться даже к дикому арктическому климату. Суровый край, не знающий жалости к тем, кто не умеет выживать.

Огромный белый медведь ловко выбрался из полыньи, отряхнулся и медленно, с удивительной тяжеловесной грацией, направился к скалам. Самец был недоволен: ловкий бросок оказался неудачным, в последний момент тюлень сумел увернуться от смертоносного удара, и... в общем, ужин откладывался. Это было не очень хорошо – в последний раз медведь ел вчера и испытывал легкое чувство голода, – а потому самец с особым вниманием принюхивался к окружающей действительности, изыскивая, чем заменить не в меру ретивого тюленя. Медведь остановился у следующей полыньи, размышляя, не заняться ли рыбалкой, как вдруг его внимание привлек аромат, внезапно донесшийся с берега ближайшего острова. В желудке заурчало, и самец с интересом повернулся в сторону намечающейся добычи. Люди. Двое людей. Медведю уже доводилось встречаться с двуногими, не охотиться, а именно встречаться – иногда он совершал экскурсии на полярные станции и стойбища местных кочевников, но на этот раз самец чуточку смутился. Обычно появление двуногих чувствовалось заранее: необычный запах, громкие звуки, все эти данные медведь получал задолго до того, как люди оказывались в поле зрения. Сейчас же двуногие явились вдруг. Возникли в сердце белого безмолвия из пустоты, и это было весьма подозрительно. Медведь сделал еще пару шагов, остановился, вновь потянул воздух и, словно почуяв опасность, тихо зарычал. Он понял, что эти двуногие представляют серьезную угрозу. Не догадался, не почувствовал – именно понял со стопроцентной

уверенностью: мозг, проанализировав совокупность признаков, подал сигнал, рожденный в самой глубине родовой памяти: «Опасность!» Могучий гигант развернулся и важно зашагал в противоположном от острова направлении. Пусть и голодный, но живой.

– Умный мишка, – негромко заметил Нур, глядя на удаляющегося зверя.

– Мне показалось, он хотел нами перекусить, – буркнула его спутница.

– Джин, я же говорил: белые медведи крайне редко нападают на людей, – махнул рукой

Нур. – Только если уж совсем прижмет. Ему было бы достаточно, если бы мы поделились с ним пищей.

– Которой у нас нет.

– У меня где-то была шоколадка... – Нур комично похлопал по карманам дорогого пиджака.

Они действительно не располагали запасом пищи. И вообще каким-либо снаряжением, за исключением элегантной дамской сумочки, которую держала в руке Джин. У них не было ничего, что объяснило бы появление этой парочки на затерянном в арктическом море острове: ни собак, ни вездехода, ни катера, ни вертолета. У них не было даже соответствующей случаю одежды: девушка ограничилась красным шелковым платьем, ладно облегаяющим гибкую фигуру. Нур же носил щегольской серый костюм и того же цвета сорочку, идеально подходящие для офиса, но чуждые полярному кругу. Парочка выглядела на удивление неуместно, но ни Нур, ни Джин не испытывали неудобств – умело наложенное заклинание оберегало их от стихии. И ветер, избивающий торосы, не тревожил прическу девушки, а мороз не сжимал прикрытые легкой одеждой тела.

– Это здесь? – Джин с сомнением огляделась.

– Здесь, – подтвердил Нур. – Как тебе пейзаж?

– Экзотично.

– Скупость красок подчеркивает величие земли.

– Жизнь должна бить ключом, а не бороться за выживание.

– Зато те, кто сумел побороть местный климат, вызывают искреннее уважение.

Даже если бы пришельцы прибыли на остров на ледоколе, носили полярное снаряжение и служили сотрудниками научной экспедиции, их внешность все равно не оставила бы обитателей Арктики равнодушными. Нур был карликом, четыре фута и один дюйм – все, что отмерила природа в данном случае, зато его широченные плечи и непропорционально длинные руки сделали бы честь любому атлету. Круглая голова была лишена волос, маленькие бесцветные глазки прятались под низким лбом, а тонкие губы лепились под крючковатым носом. Завершали картину сильно оттопыренные уши, способные вызвать улыбку не только у любителя уродцев из Кунсткамеры. Нур не был красавцем, но окружающие на подсознательном уровне чувствовали исходящую от карлика силу, колоссальную мощь, абсолютно не вяжущуюся с внешним обликом малыша.

Его спутница, Джин, была негритянкой. Невысокая, очень стройная, с изящной, точеной фигуркой, она буквально дышала непередаваемой свежестью юности. Живые черные глаза, слегка приплюснутый нос, большие, чуть вывернутые губы, роскошные волнистые волосы – Джин была удивительно хороша собой, и со вкусом подобранная одежда подчеркивала прелесть девушки.

– Боюсь, наше появление прошло незамеченным, – вздохнула она, скептически разглядывая молчаливый остров.

– Хозяйка надеется, что мы ошиблись адресом, – объяснил Нур. – И ждет, что мы уйдем.

– А если она откажется нас принять?

– Уверен, мы сумеем убедить ее быть гостеприимной.

Нур уверенно направился к группе скал, остановился у массивного камня и громко крикнул:

– Лариса!

Белая пустыня угрюмо поглотила звук. Джин поджала губы.

– Лариса! – повторил карлик. – Ты знаешь, кто я! А я точно знаю, что ты здесь! Прояви сострадание к замерзающим путникам – пусти нас в дом!

– Попробуй быть более воинственным, – предложила негритянка. – Топни ногой.

Нур резко взмахнул рукой, приказывая девушке молчать, и напряженно прислушался. Он сканировал окружающие скалы.

– Может, ты все-таки ошибся адресом? Здесь полно островов.

– Ни в коем случае, – покачал головой малыш. – Лариса, ты ведь дома! Открой дверь!

Массивный камень, перед которым стоял карлик, беззвучно развернулся, открыв взору прищельцев богато обставленный холл, из которого потянуло теплом и домашним уютом. Джин удивленно цокнула языком, Нур усмехнулся и, подавая пример, уверенно прошел внутрь скалы.

Верхней одежды у гостей не было, поэтому дворецкий – тощий голем, наряженный в отутуженный фрак, – ограничился тем, что закрыл вход и замер рядом с прищельцами. Дворецкий был забавен – длинный нос, огромные глаза, тонкие усики над верхней губой, – он напоминал персонажа мультфильма, и Джин, мельком взглянув на голема, не удержалась от улыбки.

– Мы хотели бы видеть хозяйку, – официально сообщил Нур.

– Она появится через несколько мгновений, сэр, – склонил голову голем. – Не желаете горячий грог? На улице, как я заметил, морозно.

Он говорил высоким голосом и забавно коверкал некоторые слова – игрушка, безобидная домашняя кукла, призванная скрасить одиночество хозяйки дома.

– Выпьем позже, – махнул рукой карлик. И тут же, широко улыбнувшись, обернулся к лестнице: – Лариса! Рад! Честное слово – рад познакомиться!

– Божественный лорд Нур, – медленно произнесла появившаяся на площадке второго этажа девушка. – Не могу сказать, что я в восторге от твоего появления.

– Я много путешествую, – чуть поклонился малыш. – И, оказавшись поблизости, позволил себе надеяться на твое гостеприимство.

– Не люблю неожиданных гостей.

– А я обожаю сюрпризы.

Джин внимательно оглядела хозяйку дома. Длинноногая, подтянутая, с узкой талией и довольно большой грудью, она была одета по-домашнему: в джинсы и короткую майку, и совсем не походила на могущественную волшебницу, как рекомендовал ее Нур. Натуральная блондинка с короткими прямыми волосами, едва прикрывающими точеную шею, Лариса оказалась гораздо моложе, чем представлялось Джин: двадцать, максимум двадцать два года, но ее огромные зеленые глаза смотрели внимательно и весьма холодно, и их взгляд заставлял задуматься о том, что кукольная внешность не всегда означает кукольные мозги.

– Удивлена? – поинтересовался Нур.

– Не так сильно, как тебе хотелось бы, лорд. – Лариса поджала тонкие губы. – Убежище существует давно, и нет ничего странного, что этот адрес стал широко известен.

– Только мне, – вскинул ладони карлик. – Это место нашел Яков Брюс, а дом построила Кара. У нас с твоей предшественницей был один совместный проект, и она не побоялась назначить здесь встречу. – Нур снова улыбнулся. Несмотря на уродливый облик, карлик умел быть обаятельным. – Шотландец обладал потрясающей способностью выискивать прекрасные укрытия. Нужно сплетение силовых линий, пара заклинаний из Черной Книги, и – пожалуйста! – в твоём доме блокируется действие любой магии.

– Чужой магии, – подчеркнула Лариса. – Я же могу стереть тебя в порошок.

– Тогда тебе нечего бояться, – усмехнулся карлик.

– Ты себе льстишь, лорд. С каких это пор беспризорный аккумулятор может напугать Хранителя Черной Книги?

Нур дернулся, и на мгновение его лицо исказила болезненная гримаса: слова Ларисы ударили хлестко, жестоко напомнив божественному лорду о гибели народа Тать. Джин сжала кулачки.

– Не надо меня обижать, – глухо произнес карлик. И снова – широкая улыбка. – Я хочу поговорить. Есть очень интересный проект.

Лариса помолчала, затем медленно кивнула:

– Я выслушаю твоё предложение, лорд. Но позже, сейчас я занята.

– Нам подождать за дверью? – Нур окончательно взял себя в руки.

– Необязательно, – улыбнулась девушка. – Дикси проводит вас в гостиную.

– Он обещал горячий грог, – припомнил карлик.

– Разумеется, сэр, – кивнул дворецкий. – Горячий грог и все, что угодно, для дамы.

Прошу вас, за мной, сэр.

Глава 2

Поселок Кедровый (бывш. Красноярск-151),

1991 год

- Валентин Павлович, мы уходим.
- До завтра, Зиночка, – рассеянно отозвался Зябликов, не отрываясь от записей.
- Вчера вы забыли выключить свет, – напомнила помощница. – Комендант ругался.
- Я выключу, – пообещал профессор. – Честное слово, не забуду.
- До завтра.

Дверь хлопнула, и Зябликов остался один. Пару мгновений он еще смотрел на разложенные на столе записи, затем помассировал шею, поднялся и прошелся по огромному, больше похожему на ангар, помещению лаборатории. Главной лаборатории Красноярска-151. Столы и стеллажи, на которых была установлена аппаратура, располагались вдоль стен помещения, а в его центре гордо возвышался объект «Трон», монументальный, величественный и загадочный. Такой же загадочный, как десять лет назад. Валентин Павлович вздохнул и протер очки.

Десять лет исследований. Десять лет в глухом сибирском уголке. Десять лет, наполненных непрерывной работой, опытами, исследованиями и... неудачами. Все эти годы группа Зябликова билась головой о непрístupный монолит до сих пор неизвестного металла, получала самые современные приборы и любую помощь, которую могла дать Академия наук, собирала лучших специалистов и... ничего. Десятки семинаров и конференций, десятки профессионалов самых разных направлений: химики, металлурги, энергетики... Потрачены миллионы, а в результате – полный ноль. Формулы металла нет, физические свойства артефакта меняются чуть не ежедневно, надпись на стене не расшифрована – ни единой зацепки, способной заинтересовать правительство. Зябликов видел, что интерес к объекту «Трон» падает, что постоянные неудачи раздражают и академиков, и министров, что еще чуть-чуть, и они окончательно смиряются с поражением и отдадут приказ о консервации артефакта. Зябликов видел все это, но продолжал работать с одержимостью обреченного. О крахе собственной карьеры Валентин Павлович уже не думал, смирился, разгадать предложенную «Троном» загадку профессор хотел не ради славы и почета, а потому, что это стало смыслом его жизни. Артефакт перестал быть для Зябликова просто объектом исследований – больше, намного больше, профессор не представлял, что может расстаться с ним.

– Даже если отдадут приказ о консервации, никто не запретит мне продолжить работу, – прошептал Валентин Павлович. – Симонидзе говорил, что сможет пробить перенос исследований в свой институт. Размаха не будет, но работать мы сможем.

Размаха, с каким начиналась разработка «Трона», не было уже давно. Последние несколько лет финансирование неуклонно снижалось, год назад, по просьбе «прогрессивной общественности», Красноярск-151 лишился статуса закрытого города, переименовался в Кедровый поселок и стал стремительно терять население: молодые и перспективные старались побыстрее покинуть тонущий проект. Валентин их не осуждал. Но и не понимал.

– Ладно, хватит о грустном! – Профессор заставил себя улыбнуться, быстро огляделся и, убедившись, что лаборантка захлопнула дверь и открыть ее можно только изнутри, поднялся на основание артефакта.

Зябликов любил забираться на трон. Разумеется, только тогда, когда в лаборатории никого не было и никто не смог бы подсмотреть мальчишескую шалость пожилого ученого, хоть и неудачливого, но все еще авторитетного. Оказываясь в древнем кресле, Валентин испытывал необъяснимое чувство покоя и расслабленности. Если у него болела голова – боль уходила, если скакало давление – оно становилось нормальным. Профессор никому не говорил о таком благорасположении «Трона», ибо серия опытов, проведенных едва ли не сразу после обнаружения артефакта, показала, что обычный человек, оказываясь в кресле, испытывал прямо противоположные чувства: боль, головокружение и рвотные позывы. У некоторых начинались судороги. «Трон» выделял Валентина, и ученому это нравилось. Хоть какой-то результат многолетних усилий.

– Мне будет трудно расстаться с тобой.

Зябликов положил руки на подлокотники, закрыл глаза и... увидел лицо генерала Александра.

– Кто здесь?! – Профессор вскочил и огляделся.

Лаборатория была пуста.

– Черт! – Валентин Павлович потер лоб. – Черт!!

Он задумчиво посмотрел на отливающий металлом «Трон», неуверенно хмыкнул, вернулся в кресло и снова закрыл глаза.

И увидел лицо Александра. И еще одного человека.

– Мы можем говорить открыто?

– Абсолютно, Джошуа, абсолютно. Мой кабинет полностью защищен от прослушивания.

– От любого прослушивания? – уточнил собеседник генерала.

– Преимущество высокого положения, – хмыкнул Александров. – Даже те, кому положено стучать на меня, предпочитают со мной дружить. Времена сейчас непростые, и моя поддержка много значит для этих людей. Мы можем говорить абсолютно свободно.

Зябликов узнал собеседника генерала – господин Бенсон, представитель благотворительного фонда с непроизносимым названием. Он появился в Кедровом сразу же после снятия с города режима секретности, очень интересовался разработками ученых, но не получил от профессора никакой информации. Александров, судя по всему, оказался более сговорчивым.

– Отлично! – Джошуа потер руки. – Семен, хочу сразу сказать, что те материалы, которые ты передал для предварительного ознакомления, произвели огромное впечатление на наших ученых. Древний артефакт, способный принимать телепрограммы и влиять на поля, – это фантастика!

– Не забудь о неизвестном металле, – усмехнулся генерал. – Наши дебилы до сих пор не смогли определить, из чего сделан артефакт.

– А нашим яйцеголовым не терпится пощупать «Трон» своими руками. Директор управления уже получил согласие президента на разработку проекта. Мы готовы продолжить финансирование исследований артефакта... Но «Трон», разумеется, должен быть переправлен в Америку.

– И разумеется, негласно, – в тон собеседнику продолжил Александров.

– А это возможно? – осторожно поинтересовался Джошуа.

– Зависит от того, насколько щедро президент собирается финансировать работу над проектом, – еще более осторожно ответил генерал.

– Та сумма, которую ты упомянул при нашей прошлой встрече, нас вполне устраивает, – мягко произнес американец.

– В таком случае отправка «Трона» в Америку вполне вероятна.

– Половину я готов выплатить в течение трех дней, остальное после того, как артефакт покинет пределы России. – Джошуа помолчал. – Но как ты собираешься это устроить?

– Какая разница?

– Даже половина твоего гонорара очень большая сумма, – серьезно ответил американец. – Я понимаю, что не смогу ее вернуть в случае неудачи, и должен быть уверен на сто процентов. Голова у меня одна, и мне не хочется класть ее на алтарь нашей дружбы.

– Все будет нормально, Джошуа, – вальяжно успокоил собеседника Александров. – Как ты знаешь, Кедровый полностью в моей власти. Вся охрана научного центра подчиняется мне. Милиции здесь нет, территорию патрулируют мои люди. В одну из ночей мы просто погрузим «Трон» на тягач, отвезем к железнодорожной станции и поставим на платформу. Сопроводительные документы уже готовы, согласно им это будет секретный груз КГБ, что избавит нас от ненужных проверок по дороге. В Хабаровске документы заменят, превратив содержимое платформы в «лом цветного металла», предназначенный для экспорта в Южную Корею. Мой человек на Владивостокской таможне отвернется в сторону, и...

– Судно, на котором «лом цветного металла» отправят в Корею, стоит под парами в Иокогаме, – перебил генерала американец. – Я все подготовил.

– Тогда все в порядке, – усмехнулся Александров.

– И ты готов пожертвовать своей карьерой? Кстати, если тебе нужны документы, чтобы выехать из страны...

– Я? – удивился генерал. – Пожертвовать карьерой? Бежать из России по поддельному паспорту? Джошуа, о чем ты говоришь?

– Но похищение «Трона»...

– Позволь спросить: ты сам читал переданные мной материалы?

– Просматривал, – кивнул американец.

– Тогда ты должен был понять, что объект «Трон» представляет собой одну большую, можно даже сказать: огромную, загадку. За десять лет исследований наши очкарики не продвинулись ни на шаг. Эта штука влияет на все известные поля, создает свои собственные, обманывает любые приборы и меняет свои физические свойства, как перчатки. Никто не удивится, если в один прекрасный день «Трон» попросту исчезнет. Самым необъяснимым образом.

– Просто, как все гениальное, – тихо проговорил Джошуа.

Люди генерала будут молчать, а его бредовый доклад будет воспринят наверху со всей серьезностью: очевидно, деньги, которые требовал Александров, предназначались не ему одному.

– По сути, я оказываю большую услугу своей стране, – рассмеялся генерал. – Десять лет в трубу под названием «объект „Трон“» вылетали колоссальные народные средства. На сэкономленные деньги правительство сможет построить квартиры для офицеров или увеличить пенсии старикам. Россия переживает нелегкие времена, и мы обязаны прекратить бессмысленные траты государственных средств. Вы согласны?

– Вполне, – охотно согласился американец. – Но если кто-нибудь начнет копать...

– А это уже моя забота, – отрезал Александров. – Если вы действительно подготовили судно, то теперь дата начала операции зависит только от того, как быстро вы выплатите аванс.

– Послезавтра утром.

– Значит, послезавтра ночью «Трон» отправится в путешествие.

– Договорились, – кивнул американец.

– В таком случае – до встречи!

– Последний вопрос. – Джошуа поднял вверх указательный палец. – Семен, в одном из отчетов мы прочитали, как артефакт отказывался переезжать из научного центра в Москву. Что будет, если история повторится?

– Не повторится, – самодовольно ухмыльнулся генерал. – Ты плохо читал материалы.

– Объясни.

– «Трон» не только влияет на все известные поля, но и постоянно генерирует свои собственные, которые мы, худо-бедно, научились регистрировать. Не напрямую, конечно, суть этих полей не ясна, но умеем фиксировать их по косвенным признакам. Интенсивность полей периодически меняется. Сейчас «Трон» на спаде, и я думаю, он не в состоянии включить свои защитные механизмы.

– Как долго продлится спад? – быстро спросил американец.

– По моим расчетам, достаточно, чтобы артефакт оказался в Сан-Франциско, – прищурился генерал.

Зябликов открыл глаза и выскочил из кресла.

– Не может быть!

Артефакт, как это с ним иногда бывало, загудел. Рокочущим баском, тихонько и очень дружелюбно.

– Это сделал ты? Передал мне разговор Александра? Но как?! – Профессор положил ладонь на подлокотник и закрыл глаза.

Теперь картинка поменялась: вчерашний вечер, его квартира. Вот Алла с маленькой Леной на руках: «Когда же мы наконец вернемся в Москву?» Да, жена это говорила. Она говорит об этом постоянно, но вчера Алла произнесла это именно так: очень зло, сидя с ребенком за кухонным столом. Валентин открыл глаза.

– Ты действительно это делаешь! Господи, ты предупреждаешь меня! Ты не можешь защититься и просишь о помощи!

Рокот, который издавал «Трон», не усилился, но Зябликову показалось, что в нем проскользнули утвердительные нотки.

– Когда был разговор у Александра?

Рука вновь вернулась на подлокотник, глаза закрылись, и профессор увидел перекидной календарь на столе генерала – сегодняшнее число, затем внутренняя «камера» переместилась на настенные часы – сорок минут назад. Трансляция была практически прямой.

– И что мне делать?

Сначала перед глазами появилось изображение прикрепленного к стенду листа – расписание автобусов на Красноярск, а затем – вывеска дешевого ресторана.

– Ехать туда?

Артефакт тихо выдохнул и затих.

Красноярск, 1991 год,

на следующий день

Странный салат: тертая морковь, пропитанная то ли несвежим майонезом, то ли сметаной с привкусом. Суп из неопознанных составляющих. Макароны по-флотски. Компот из сухофруктов. Зябликов уныло ковырялся в холодных, как английские улыбки, блюдах и отчаянно пытался понять, какой черт занес его в третьеразрядный ресторан областного центра и повелел заказать безрадостный комплексный обед.

Узнав о планах Александра, Валентин Павлович не спал всю ночь, а утром с первым же автобусом отправился в Красноярск искать правду. Но пока старенький «ПАЗ» осиливал сибирские километры, агрессивный запах профессора улетучился, уступив место тоскливому пессимизму. Зябликов совершенно не представлял, что делать дальше, как бороться с генералом. Последние десять лет Александров был для Зябликова куратором, высшим звеном, «человеком с вершины», профессор привык подчиняться его приказам и не знал, к кому можно

обратиться за помощью против всемогущего генерала. К академику Симонидзе? Старик на конференции в Женеве и вернется не раньше чем через две недели. В областной КГБ? Но местный вождь безопасности – близкий друг Александра, об их совместных охотах слагали легенды. Кто поможет? Где искать поддержку? Выйдя из автобуса, профессор некоторое время просто бродил по Красноярску, а затем все-таки отправился в указанный «Троном» ресторан. Для чего? При чем здесь это недоразумение общепита? Какую помощь можно найти в дешевом заведении, вдали от центра города? Какой смысл разглядывать грязные скатерти и общаться с хамоватой официанткой? «Почему я пришел сюда?» Зябликов отложил вилку и огляделся так, словно впервые осознал, где находится. Он мог себе позволить пообедать в более приличном месте и обычно позволял, поэтому внезапное «пробуждение» вызвало в нем недоумение, а внешний вид наполовину развороченного салата – отвращение. «Ладно, пять минут посижу и пойду дальше. Надо попробовать поднять местных ученых».

Валентин Павлович закурил, осторожно понюхал компот – повеяло полузабытыми обедами в студенческой столовой – и вернул стакан на место.

– Вы позволите?

Зябликов вздрогнул, поднял глаза и расслабился – подошедший молодой человек не был похож на мордоротов Александра. Худошавый, лет двадцати пяти, одетый в новый недорогой костюм и дешевую рубашку, он мог сойти за младшего научного сотрудника – обычного клиента подобных «ресторанов».

– Любите обедать в компании?

В зале, как заметил профессор, было полно свободных столиков.

– В вашей компании, – уточнил незнакомец. Он присел напротив, поправил очки и протянул руку. – Иван Плотников.

– Валентин Зябликов. Очень приятно.

– Мне тоже. – Плотников улыбнулся. – Хочу сразу сказать, что я из Америки. Мои предки эмигрировали в США еще до революции.

– А я из секретной лаборатории КГБ, – устало ответил Зябликов, выпуская струю дыма. – Но вербовать меня не нужно, у меня все есть, и я всем доволен. Вас прислал Александров?

Русоволосый Иван говорил по-русски старательно, но чисто, без акцента, поэтому профессор не очень-то поверил его сообщению.

– Кто такой Александров?

– А вы не знаете?

– Нет, – невозмутимо качнул головой Плотников.

– Тогда не важно. Считайте, что я ничего не говорил. Давайте побеседуем о перестройке и Горбачеве, хлопнем по рюмашке и разбредемся друзьями? Договорились?

«А может, он действительно американец? Железного занавеса нет, и новых друзей страны можно встретить даже в третьеразрядных забегаловках».

– Мне неинтересно беседовать о перестройке, – буркнул Иван. – И уж тем более я не собираюсь «хлопать по рюмашке» в этом сомнительном заведении. – Он брезгливо поморщился. – Не для того я пересек половину земного шара.

– А для чего?

– Чтобы поговорить вот об этом. – Плотников снял с мизинца перстень, украшенный крупным желтым камнем, и протянул его профессору. – Посмотрите, что выгравировано на внутренней стороне.

Зябликов затушил сигарету, без особого интереса взял украшение – несмотря на скромные размеры, перстень оказался довольно увесистым – и поднес его к глазам. Вздрогнул. Поднес чуть ближе. Сжал перстень в кулаке и уставился на Ивана:

– Это розыгрыш?

– Это фамильная реликвия, – спокойно ответил Плотников. – Перстень передается в нашей семье от отца к сыну.

– И вы...

– Я догадываюсь, чем вы занимались последние несколько лет, – усмехнулся Иван. – Вы нашли Малый Трон Посейдона и пытались его... как бы это выразиться, – в голосе Плотникова мелькнула ирония, – пытались его изучить. Уверен, безрезультатно.

– Малый Трон Посейдона, – прошептал Зябликов и вновь посмотрел на внутреннюю сторону перстня, на которой был искусно выгравирован крылатый конь.

– О том, для чего предназначен Трон, я знаю не больше вашего. – Иван стряхнул пепел с очередной сигареты и, посомневавшись, все-таки сделал маленький глоток поданного неопрятной официанткой кофе. – Возможно, прадед владел информацией, но он предпочел не делиться ею, наказав просто слушать то, что скажет перстень, и в точности исполнять полученные инструкции.

– Перстень разговаривает?

После вчерашнего открытия Зябликов мог поверить во что угодно, но ему было интересно узнать, как Трон осуществляет общение с Плотниковым.

– Не совсем разговаривает... – ответил Иван. – Иногда он начинает давить на палец, требуя перо и бумагу. Я сажусь за стол, закрываю глаза, и рука сама выводит текст.

– Вы серьезно?

Плотников достал из кармана аккуратно сложенный лист и передал его профессору:

– Прочитайте.

Ученый развернул бумагу: «Валентин Павлович Зябликов, Красноярск, ресторан „Вершина“, вторник...» Почерк рваный, неуклюжий, но дата была указана точно, а время – вплоть до минут.

– Я, точнее перстень, написал это две недели назад, – продолжил Иван. – А ваш внешний вид увидел во сне. Я знаю, что вам нужна помощь. Не знаю какая, но если Трон меня вызвал, значит, он в беде.

– И часто он вас вызывал? Вас или ваших предков?

– Еще ни разу. Но мы были готовы делать все, что он прикажет. Это наш долг. – Плотников пожал плечами. – Вы можете мне верить, можете не верить. Если вы откажетесь со мной разговаривать, я все равно выясню, что происходит, и приму меры. Но мне кажется, мы должны сотрудничать – дед говорил, что Трон не ошибается.

– Тогда почему он не вызвал вас десять лет назад? Когда мы его нашли?

– Видимо, Трон был уверен, что у вас ничего не получится.

– Возразить нечего, – развел руками Валентин Павлович. И неожиданно перехватил внимательный взгляд мужчины за два столика справа. Черноволосый, плечистый, он пристально наблюдал за собеседниками. «Человек Александра!»

– Иван, – негромко произнес профессор, – я думаю, нам надо продолжить разговор в другом месте.

– Это мой помощник, – улыбнулся Плотников, поняв, кто заставил насторожиться Зябликова. – Эммануил Кунцевич, для друзей – Моня. Мне рекомендовали взять его в качестве сопровождающего. В свое время Моня служил в специальном подразделении у Щелокова, организовывал неприятности врагам министра. Очень опытный человек.

– Вы ему доверяете?

– Учитывая, какие деньги я ему плачу, – вполне.

Черноволосый, среагировав на кивок Ивана, присоединился к собеседникам. Его рука оказалась плотной и жесткой.

– Насколько я понимаю, первичные переговоры прошли успешно? – Большие глаза Кунцевича внимательно ощупали ученого. – Вы уже рассказали Ивану о своих неприятностях?

– Нет.

– Тогда начинайте, больше мы никого не ждем.

– Но что вы можете? – тоскливо вздохнул профессор. – Вы даже не представляете, какие силы задействованы в этой игре.

– Учитывая мои связи и средства, которые мистер Плотников готов вложить в дело, мы можем очень много, – спокойно возразил Кунцевич. – В чем суть неприятностей?

Зябликов оглядел неожиданных союзников и вздохнул:

– Генерал Александров, куратор нашего проекта, хочет продать Трон американцам.

– Не проблема, – быстро произнес Иван. – Давайте переговорим с генералом – я дам в два раза больше любой цены.

Зябликов поперхнулся:

– Вы серьезно?

Моня сдержанно кашлянул:

– Иван, я уже просил вас не делать необдуманных предложений. Здесь не Америка.

– Но это возможно? – Валентин Павлович, который и в мыслях не мог допустить столь простого решения, с надеждой посмотрел на Плотникова.

– Технически – да, – ответил Кунцевич. – Иван очень обеспеченный человек. Но на практике ничего не получится: генерал КГБ будет вести дела только с теми, в ком уверен на сто один процент. А у нас нет времени завоевывать его доверие.

– Черт! – Плечи Зябликова обреченно поникли. – Значит, все пропало!

– Хватит соплей, – поморщился Моня. – Вы знаете, когда генерал собирается провернуть сделку?

– Завтра ночью его люди вывезут Трон из Кедрового и погрузят на железнодорожную платформу. Американское судно будет ждать во Владивостоке, там у Александрова свой человек на таможне. Они переправят артефакт под видом лома цветных металлов.

– Как он собирается объяснить исчезновение Трона?

– Никак, – пожал плечами Зябликов. – Скажет, что артефакт исчез. Учитывая, сколько загадок подбросил нам Трон, этот бред вполне проходим.

– Охранники побожатся, что ничего не видели и не слышали, потом получают от генерала пухлые конверты, и все счастливы. Высшее руководство в доле. Комендант на всякий случай огребает взыскание, вы остаетесь без работы, Трон уплывает в Америку, – подытожил Кунцевич. Он действительно был опытным человеком. – Времени в обрез.

– А если донести на Александрова? – предложил Плотников.

– Вряд ли это поможет, – вздохнул профессор. – Генерал подчиняется напрямую Москве, а начальник местного КГБ – его приятель. Максимум, на что мы сможем рассчитывать, что письмо отправится по инстанции...

– В самом лучшем случае Александрова снимут, а Трон продаст американцам его премник, – отрезал Моня. – К тому же, поскольку нет сомнений в том, что наш генерал делится с вышестоящим товарищем, письмо наверняка ляжет под сукно. – Моня холодно посмотрел на Плотникова и Зябликова. – Я, ребята, эту страну люблю, но отдаю себе отчет, какой бардак здесь сейчас творится. Империя рухнула, страха нет, будущее в тумане, и каждый продает все, до чего может дотянуться. Если на артефакт есть покупатель – считайте, что Россия его потеряла. Это факт.

– Ты прощупал свои каналы? – после паузы спросил Плотников.

– К сожалению, мой авторитет в Красноярске не действует, – развел руками Кунцевич. – Мне вообще не следует здесь находиться. Извини, Иван.

– Где ты сможешь помочь?

– Если мы доставим Трон в Краснодар, я найду надежных людей, которые припрячут его до лучших времен. Или помогут вывезти через Новороссийск. В любом случае там у нас будут развязаны руки.

– Что вы хотите делать с артефактом? – тихо спросил Зябликов.

– Еще не знаю, – честно ответил Иван. – Возможно, действительно спрячу здесь, в России. Возможно, переправлю за границу. Трон сам скажет, какой вариант его устроит больше. Но все это – будущее, сейчас же мы должны думать о том, как помешать генералу Александрову.

– Да, – пробормотал Валентин Павлович. – Сейчас это главное.

– Вы поможете?

Профессор помолчал, нервно провел рукой по скатерти и кивнул:

– Да.

– Почему? – быстро и жестко спросил Мони.

Зябликов в упор посмотрел на Кунцевича.

– Потому что иначе я не могу. Трон должен остаться в России.

– Мы этого не гарантируем.

– Но мне кажется, что рано или поздно Иван вернет его сюда. Это так?

Плотников серьезно кивнул:

– Если Трон этого захочет, то обязательно.

– Вот и все, – улыбнулся профессор. – Вы патриот, Иван, несмотря на американский паспорт в кармане. А генерал Александров – торгаш. Мне кажется, это достаточный мотив, чтобы помогать вам.

Плотников крепко пожал протянутую Зябликовым руку.

– Хорошо, что мы можем доверять друг другу, – резюмировал Кунцевич. – В свете того, что нам предстоит, это очень важно.

– Ты знаешь людей, которые могут помочь? – вернулся к делам Иван.

– Знаю, – кивнул Мони. – Мне дали наводку на бандитов, но я к ним не пойду.

– Почему?

– Потому что я им не верю, – спокойно ответил Кунцевич. – Это первое. А второе: на случай неприятностей у нас должен быть козырь в рукаве. Этот козырь – я. Случись что, я смогу вытащить вас отсюда.

– Он прав, – вздохнул Зябликов. – Лучше, если бандиты до поры не будут знать об Эммануиле. Пойдем к ним вдвоем.

– Только, пожалуйста, – голос Мони стал очень сосредоточенным и холодным, – в точности выполняйте инструкции, которые я вам дам.

* * *

Поместье «Девонширская аллея», США,

16 марта, вторник, 23.59 (время местное)

– Построить особняк в викторианском стиле придумали не мы, – негромко ответил Иван Плотников на вопрос собеседника. – В смысле – не наша семья. Первый владелец поместья был местным скоробогатеем, сделавшим состояние на нефти. Удачливым и кичливым. В двадцать четвертом его удача закончилась, он крупно погорел на бирже, и мой прапрадед купил

«Девоншир» с потрохами. – Иван помолчал. – К тому же вторая жена прадеда была англичанкой из рода Мальборо... И с тех пор Плотниковы осели здесь.

– Красивый дом, – повторил гость. – Очень красивый.

Пришелец уже успел побывать в ванной, его длинные волосы еще оставались влажными и слегка намочили выданный хозяином халат. Гость выглядел крепче худощавого Ивана, шире в кости, мощнее, но при этом во внешнем облике мужчин можно было найти общие черты: высокий лоб, большие серые глаза и, самое примечательное, характерное движение губ во время разговора. Вот только вряд ли президент преуспевающей финансовой компании стал бы украшать свое тело сомнительными татуировками, а вот его странный гость – украсил. И не одной. Предплечье левой руки пришельца покрывала черно-красная вязь. Густая и причудливая, она скрывалась в рукаве и появлялась уже на могучей шее, чуть-чуть не доходя до уха. Что таилось под тканью халата, можно было только догадываться. А на предплечье правой руки мужчины плели паутину зеленые пауки, небольшие, но выполненные весьма искусно – хозяину дома даже казалось, что их лапки шевелятся.

– И ваша супруга, Иван, весьма красива, – продолжил гость, смакуя дорогой виски. – Передайте ей мои комплименты.

– С удовольствием, Матвей, – кивнул Плотников.

Плотный ужин остался позади. Пришелец не стал скрывать, что давно не ел, и, покинув ванную комнату, с удовольствием уничтожил салат, суп, солидную порцию жаркого и чуть не половину пирога. Ел он быстро, жадно, но, судя по внешнему виду, длительные голодовки были для пришельца скорее исключением, чем правилом. Стол Матвею накрыли здесь же, в большой гостиной, а теперь мужчины расположились в креслах у зажженного камина, вели неторопливую беседу и потягивали виски – от предложенных сигар пришелец отказался.

– Мне показался странным выговор вашей супруги, – произнес гость.

– Лиза родилась и выросла в Ницце, – объяснил Иван. – Ее предки бежали во Францию от революции. Мы познакомились в Париже и обвенчались восемь лет назад.

– В России была революция?

Если Плотников и был удивлен вопросом, то никак не выразил этого.

– В одна тысяча девятьсот семнадцатом году. Император бросил народ на произвол судьбы, отрекся от престола и был убит бунтовщиками где-то в Сибири. На протяжении семидесяти с лишним лет Россией правила диктатура, сейчас – демократически избранный президент.

– Звучит неприятно, – буркнул гость.

– Прапрадед предчувствовал смуту, – бесстрастно продолжил Иван. – Наша семья переехала в Америку еще в тысяча девятьсот девятом году, так что к семнадцатому все активы оказались за океаном. – Плотников снова выдержал небольшую паузу. – На следующий день после отречения императора прадед обратился к местным властям с просьбой о предоставлении американского гражданства.

– Но вы хорошо говорите по-русски.

– И мои дети будут говорить. И дети моих детей.

– А вот это звучит весьма достойно. – Матвей прикрыл глаза, пару секунд молчал, словно собираясь с мыслями, после чего вновь посмотрел на Плотникова. – Иван, в вашей библиотеке есть книги по истории? Мне бы хотелось узнать, что происходило здесь, пока я... Пока меня...

– Книги есть, – кивнул Плотников, – но мне кажется, будет гораздо лучше, если я снабжу их текст своими комментариями.

– Это будет замечательно, – улыбнулся гость. – Но нам и без того предстоит долгий разговор, и я не хотел излишне утруждать вас...

– Пустое, Матвей, – махнул рукой хозяин дома. – Вы прекрасно понимаете, что значит для меня ваш визит. Мне будет приятно оказать вам любую посильную помощь, и даже больше.

– Благодарю... Вы позволите? – Матвей взял у Плотникова толстый альбом и погрузился в созерцание семейных фотографий.

Иван же, добавив в бокалы виски, откинулся на спинку кресла и устремил задумчивый взгляд на горящий в камине огонь. Ему было о чем поразмышлять. Плотников знал, что рано или поздно эта встреча состоится, что в один прекрасный день откроется дверь и на пороге появится человек с фамильным перстнем. Человек, все желания и просьбы которого надо выполнять, чего бы это ни стоило. Предки Ивана ждали этой встречи всю жизнь, но не дождались. Особенно тяжело было прадеду. Плотников помнил, с какой грустью старый Сергей Саввович вкладывал в руку отца таинственное кольцо. «Они не смогли прийти раньше, – вздохнул он тогда, – не порадовали меня перед смертью. Боюсь, уж не заблудились ли... – Глаза прадеда вспыхнули. – Но ты дождись, сынок, дождись ребят, я верю – они вернуться». Отец кивнул. И вот пришел Матвей. Усталый, голодный, ни черта не знающий о современном мире и событиях, которые происходили на Земле за последние сто лет. Где он путешествовал? Где мог заблудиться? Иван взял в руки лежащие на лакированном столике перстни: тот, который передал гость, и свой, снятый с мизинца. Взял, снова оглядел абсолютно одинаковые украшения и медленно соединил их. Золотые кольца плавно вошли друг в друга, образовав маленькую, из двух звеньев цепочку, а желтые камни изменили цвет, превратились в красные, тускло сияющие угли. Плотников потянул перстни в разные стороны, и цепь послушно распалась. Все так, как и должно быть.

– Пытаешься понять, в чем фокус? – с улыбкой спросил Матвей.

– Я привык к тому, что перстень живет своей жизнью, – серьезно ответил Иван. – Разговаривает, предупреждает... Он помог нам во время Великой депрессии: семья преодолела кризис с минимальными потерями. – Снова пауза. – А несколько лет назад я очень вовремя избавился от крупного пакета акций весьма солидных предприятий... Через неделю они обанкротились.

– Долг семьи – присматривать за Троном, – не спеша произнес Матвей. – А Трон, в свою очередь, помогает семье быть готовой в любой момент выполнить любую задачу. Через перстень Трон предупреждает об опасностях и дает советы.

– Так говорил дед. – Плотников сделал маленький глоток виски. – Но, кажется, я плохо присматривал за артефактом.

– Это сказал перстень?

– Нет, но...

– Тогда не беспокойся ни о чем, – уверенно рассмеялся гость. – Если перстень молчит, значит, Трон находится в безопасности или его устраивает сложившаяся ситуация. В противном случае он бы подал сигнал.

– А если он разочаровался во мне?

– Он не настолько умен. Трон знает, что через перстень может получить поддержку, и продолжал бы взывать о помощи.

– Это точно?

– Абсолютно.

– Вы меня успокоили, – признался Иван. – После того, что было...

Матвей поудобнее устроился в кресле, явно готовясь слушать рассказ Плотникова, но хозяин дома неожиданно замолчал и, глядя прямо в глаза гостя, спросил:

– Перед тем как я расскажу, что знаю, я бы хотел задать вопрос.

– Конечно, – кивнул гость.

– Кто вы?

– А как ты думаешь?

Иван помедлил.

– У прапрадеда было три сына. Старший, Сергей Саввович, мой прадед, и двое младших, которые официально считаются погибшими. Сергей Саввович говорил, что на самом деле его

братья не умерли, а ушли. Он не говорил куда, но был уверен, что либо они сами, либо их потомки вернутся. Знаком будет перстень...

– Младшие братья были близнецами, – мягко перебил Ивана гость. – Матвей и Андрей. Мы действительно не умерли, а ушли, причем очень далеко отсюда. – Гость широко улыбнулся: – Надеюсь, Иван, тебя не сильно обескуражит тот факт, что ты разговариваешь с двоюродным прадедушкой?

* * *

«Загадочное убийство в центре Москвы! Несколько часов назад в машине, припаркованной на Марксистской улице, были обнаружены тела мужчин 27 и 29 лет. Несмотря на то что один из них был застрелен, а второй получил смертельные увечья во время драки, свидетелей происшествия нет. Судя по царящему в автомобиле беспорядку, двойное убийство было совершено с целью ограбления, и это вызывает у полицейских особое недоумение, поскольку, по неофициальным данным из местного управления, убитые являлись активными членами преступной группировки...»
(РБК)

«Вы уже читали криминальную статистику за прошлый год? Кошмар, не так ли? Создается ощущение, что обезумевшие челы, окончательно потеряв остатки моральных принципов, тратят силы исключительно на то, чтобы причинить сородичам максимальный вред: ограбления, убийства, угоны автомобилей, кражи. Жить среди этих созданий просто страшно. Компания „Привратник“, входящая в холдинг „Турчи, Турчи и внуки“, имеет честь предложить уникальные двери для вашей городской квартиры! Подлинно новое решение старых проблем! Больше не нужны хитроумные запоры! Несложное гипнотическое заклинание постоянного действия сделает ваши двери невидимыми для воров...»
(«Тиграджом»)

* * *

Южный Форт,

штаб-квартира семьи Красные Шапки

Москва, Бутово, 17 марта, среда, 14.01

– Почему наша могущественная семья до сих пор не является Великим Домом? Почему мы вынуждены жить на окраине Тайного Города, а не грабим чело так, как нам этого хочется?!
– Потому что мы не самые умные, – самокритично высказался кто-то из толпы.

– Идиот! – высокомерно отмахнулся Напильник. – Жалкий слабак, одурманенный вражеской пропагандой! Да, я согласен, мозги у нас маленькие. Ну и что? Зато какие они тяжелые! Удивительно тяжелые!

– С чего ты взял?

– А ты вспомни, сколько весят по утрам наши головы! – привел железный аргумент уйбуй.

Народ задумался.

– И что это значит?

– Это значит... – Напильник заглянул в шпаргалку: – Это значит, что удельная плотность ума у нас выше! Она вообще самая высокая в Тайном Городе!

Пораженные неожиданным выводом сородичи притихли. Уйбуй приободрился.

– И вот я спрашиваю: почему мы вынуждены платить за виски, а не получать его даром?! Вы знаете почему? Не знаете?!

Невнятный гул собравшейся во дворе Южного Форты толпы подтвердил грустный вывод Напильника – соплеменники не догадывались, почему не играют первые роли в Тайном Городе. Гнилич набрал побольше воздуха:

– А я вам скажу почему! Потому что развитие нашей могущественной семьи идет неправильно! Вместо того чтобы обрести свободу и величие, мы стонем под пятой узурпатора! Под его узурпаторской пяткой!

Правая рука уйбуя смело указала на огромный портрет великого фюрера, висящий рядом с мусорной кучей, а левая выдернула из-за пояса ятаган и воинственно покрутила им в воздухе. Пару секунд собравшиеся изучали нарисованного вождя, а затем начали выражать неодобрение попранию своих гражданских прав. По двору пронесся легкий матерок. Сообразительный Напильник понял, что надо ковать железо, пока горячо.

– Продавшаяся людям клика одноглазого Кувалды специально сдерживает развитие Великого Дома Красных Шапок! Но я это изменю! Я гарантирую процветание и благосостояние! Мы поставим вопрос ребром и снова будем грабить всех, кого захотим! Мы никому не позволим вообще!!

Зрители возбужденно загалдели. Уйбуй вытер пот, скопившийся под красной банданой, и воинственно потряс ятаганом:

– Нам нужен новый великий фюрер! Нам нужен я!!

Гниличи, которые составляли основную массу митингующих, радостно завопили и выразили поддержку кандидату беспорядочной стрельбой в воздух. В нарисованного Кувалду полетели помидоры и тухлые яйца – моральный дух электората рос на глазах.

– Честные выборы поднимут авторитет Красных Шапок! Великим Домам придется иметь дело с истинно народными избранниками, а не с кучкой распоясавшихся проходимцев! И они будут вынуждены уважать наши желания!!

Гладкий предвыборный текст Напильнику состряпали ушлые шасы из рекламного агентства «ТиградМедиа». Увлеченный идеей сместить фюрера уйбуй понимал, что не сможет самостоятельно зажечь народ, и обратился за помощью к профессионалам, которые, почуяв запах денег, молниеносно заключили с потенциальным кандидатом контракт на проведение кампании. В качестве аванса Напильник написал кабальную долговую расписку, к вечеру он должен был собрать кругленькую сумму на покрытие начальных расходов, но уйбуй не унывал: воодушевленные идеей Гниличи пообещали скинуться на благое дело. Пока же дорогостоящий ход с приглашением шасов оправдывал себя на все сто: красивая речь и наспех отпечатанные цветные листовки возбудили сородичей не хуже виски. Правда, появились и трудности.

– Великий фюрер должен быть выходцем из великого клана! – подали голос от дверей «Средства от перхоти». Там кучковались Дуричи. – А ты, Напильник, даже на самогон наворовать не можешь!

– Зато я умный! – ощерился уйбуй.

– Тогда почему ты в карты всем проигрываешь?

Вопрос прозвучал остро, и соратники Гнилича заволновались. Напильник понимал, что в его собственном клане найдется достаточное количество уйбуйев, желающих стать великим фюрером, и надо отвечать на подлые нападки быстро и жестко. Показать свою силу и сторонникам, и противникам.

– А потому, – прорычал он, – что вы, Дуричи, все шулеры! – И злобно помахал ятаганом. – Понятно?

Подчиненная Напильнику десятка дружно лязгнула помповыми ружьями.

– То есть ты такой тупой, что даже на наши трюки ведешься? – с издевкой уточнили политические оппоненты и тоже потянулись за оружием. – Хороший же у нас фюрер будет!

В воздухе запахло потасовкой. Оскорбленные Гнилича, окрыленные пламенной речью кандидата и подавляющим численным превосходством над противником, принялись сжимать кольцо вокруг дерзких Дуричей. Почувявшие неладное оппоненты медленно отступали к дверям «Средства от перхоти».

– Ща мы покажем, на какие фокусы ведется великий фюрер, – пообещал Напильник. – Ща мы покажем, топор тебе в зубы!

– Ну ты, кандидат хренов, – осторожно протянул Булыжник. – Мы же это, чисто дебаты проводили.

– Ща я тебе эти дебаты в глотку засуну, – пообещал осмелевший Гнилич, торопливо распахивая по карманам скомканные листы с текстом речи. – Ща...

– Что за стрельба во фворе?! – злобно рявкнул Кувалда. – Я же запретил стрелять в Форте!!

Несмотря на то что кабинет великого фюрера размещался на последнем этаже единственной в штаб-квартире высокой башни, а на окнах стояли тройные стеклопакеты, музыка оживленной перестрелки звучала в нем с консерваторским качеством.

– Какая скотина осмелилась нарушить указ великого фюрера?

– Напильник Гнилич, – сообщил уйбуй Копыто, один из самых преданных Кувалде десятников. – Бесится, вонючая морда.

– Повесить, – коротко повелел лидер. – Там на принтере распечатаны приговоры. Возьми офин, впиши имя и повесь смутьяна.

Врожденная шепелявость Красных Шапок была выражена у одноглазого Кувалды необычайно сильно, он совсем не выговаривал букву «д», но тем не менее умел доносить свои мысли до верноподданных. Собственно, несвойственное дикарям умение размышлять и помогло маленькому Шибзичу вознестись столь высоко.

– Видите ли, ваше высокопревосходительство господин великий фюрер, – дипломатично начал Копыто.

Снизу донесся звук взрыва: запертые в кабаке Дуричи пальнули в оппонентов из подствольника. Кувалда побелел от бешенства.

– Копыто, сукин сын, если ты немефленно не расскажешь, что происхофит в Форте, я тебя...

– Напильник проводил предвыборный митинг, мля. – Уйбуй понял, что фюрер позволяет обойтись без церемоний. – Кодлу Гниличей во двор выгнал и публично втирал, какой он умный. Дуричи возмутились – у них, наверное, свой кандидат есть – и устроили перестрелку. – Копыто зевнул. – Политические технологии, мля.

Кувалда выкатил на верного помощника единственный глаз, пару мгновений ошарашенно хлопал им, а затем медленно, едва не по складам, поскольку скулы сводило от бешенства, поинтересовался:

– Канфифат куфа?
– Так Напильник хочет выборы великого фюрера устроить, – беспечно ответил Копыто. – Народ, в натуре, не против. Только Дуричи не хотят Напильника, а хотят другого.
– Кого фругого?
– Кого-то из своих, – пожал плечами уйбуй. – Я в подробности не вдавался.
– А я?
– А что ты? – Копыто несколько удивленно посмотрел на вождя.
– Я – великий фюрер?
– Да, – подтвердил уйбуй. – Ты – ваше высокопревосходительство господин великий фюрер... – Копыто неожиданно замолчал: понял, куда клонит одноглазый. – Так это... – Уйбуй судорожно сглотнул. – Так что нам тогда делать?
Внезапное понимание нависшей над кланом угрозы придавило Копыто к земле: плечи бравого десятника поникли, пальцы задрожали, а в голосе появились панические нотки.
– Собирай Шибзичей, – распорядился Кувалда, – пусть бросают все и гонят сюфа. Казармы клана закрыть, никого не пускать...
– Никого, – тоскливо подтвердил Копыто, в маленьких глазках которого отчетливо читалось страстное желание убраться из Форты как можно дальше.
– И главное – арсенал закрыть! Перефай, чтобы охрана забаррикафировалась изнутри и никого не пускала в арсенал!!
Копыто пулей вылетел из кабинета.

* * *

Зеленый Дом, штаб-квартира Великого Дома Людъ

Москва, Лосиный Остров, 17 марта, среда, 14.51

Королевский обед в этот день начался вовремя, в два пополудни. Стол был сервирован в белой столовой, особо любимой хозяйкой Зеленого Дома, а меню, по обыкновению, предполагало четыре перемены блюд. Расписание королевы не претерпело изменений, и о том, что в Тайном Городе назревает очередной кризис, свидетельствовал лишь необычно узкий круг приглашенных – на обеде предполагалось говорить о делах. Помимо самой королевы, за столом угощались барон Мечеслав, жрица Зеленого Дома Снежана, представляющая домен Вешняки, Милана, воевода дружины Дочерей Журавля, элитного и самого боеспособного подразделения армии людов, и фата Ямания, начальница личной канцелярии ее величества. Всем присутствующим королева доверяла безоговорочно, высоко ценила их мнение и опыт и знала, что они ее не подведут.

– Командный пункт Зеленого Дома приведен в полную боевую готовность, – закончила оперативный обзор Милана. – Количество следящих за городом операторов – по расписанию военного времени. Мы тщательно сканируем территорию, фиксируя любой подозрительный аркан. Три группы боевых магов находятся в оперативном резерве. Еще одна, усиленная группа – в засаде у места связи Странников. Смена происходит каждые два часа.

– Вы уверены, что Странник придет туда? – поинтересовался Мечеслав.

– К сожалению, другой ниточки у нас нет, – пожал плечами Милана.

Пожала чуть высокомерно, давая понять, что лучший боевой маг Зеленого Дома, конечно, даст объяснения барону, но сделает это без удовольствия. Яркая внешность (а мно-

гие считали, что красота Миланы не уступает общепризнанной красоте королевы), военные заслуги, огромный авторитет в армии – воевода могла себе позволить быть несколько высокомерной даже по отношению к фавориту ее величества. В конце концов, барон был всего лишь мужчиной, всего лишь, потому что в Великом Доме Людь только женщины обладали магическими способностями, и присутствовал на совещании исключительно благодаря своим особым отношениям с Всеславой. Все эти факты были переданы Мечеславу легким движением бровей и быстрым взглядом прекрасных ярко-зеленых глаз. Но не произвели на широкоплечего повелителя домена Сокольники какого-либо впечатления – он прекрасно знал и характер воеводы, и ее отношение к своей персоне.

Вместо ответа Мечеслав сделал маленький глоток вина, вытер губы салфеткой и ядовито улыбнулся:

– Три группы боевых магов и еще одна, усиленная... И все против одного чела.

– Думаю, нам нет нужды критиковать действия воеводы, – мягко заметила королева, не давая взбешенной Милане вставить пару менее вежливых замечаний. – На мой взгляд, воевода разработала единственно возможный в данной ситуации план.

– Благодарю, ваше величество, – выдержав короткую паузу, склонила белокурую голову Милана.

– Какой приказ получили маги? – не отступал барон. – Что они должны делать при появлении Странника?

– Захватить его, – сквозь зубы процедила воевода.

– Не будет ли разумнее вызвать его на переговоры? В прошлый раз...

– Я не ожидала, что Сантьяга так легко признает приоритет Зеленого Дома в расследовании дела Странников, – громко сказала жрица Снежана, откровенно переводя разговор на другую тему. – Уверена, проклятый нав будет вставлять нам палки в колеса.

– Технология Большой Дороги интересна всем Великим Домам, – задумчиво протянула Всеслава. – Это один из немногих случаев, когда все мы должны действовать сообща, и Сантьяга это прекрасно понимает.

– Но я настоятельно рекомендую ее величеству ни в коей мере не доверять комиссару.

– В подобных рекомендациях нет особой необходимости ни мне, ни Милане, которая возглавляет расследование, – с улыбкой отозвалась королева. – Уверена, воевода сумеет сделать так, чтобы оно закончилось в интересах Великого Дома Людь.

– Вы можете на меня положиться, ваше величество. – Милана снова склонила голову. – Я найду Странника.

– Не сомневаюсь, – буркнул барон.

Всеслава удивленно подняла брови. Воевода поджала губы и отвернулась, едва сдерживая гнев.

– Что вы имеете в виду? – недовольно нахмурилась Снежана.

– Давайте поразмыслим вот над чем, – невозмутимо предложил Мечеслав. – Странник наверняка понимает, что произошло с Аристархом. И тем не менее возвращается на Землю. Более того – возвращается в Тайный Город.

– Мы искренне надеемся, что Странник заглянет в Тайный Город, – поправила барона Снежана. – И будем рады, если наши надежды сбудутся.

– Сегодня утром на Марксистской улице произошло двойное убийство, – с прежним спокойствием продолжил Мечеслав. – Убили членов крупной преступной группировки. Убили с целью ограбления. Вам не кажется это странным?

– Вы читаете всю криминальную хронику? – язвительно поинтересовалась Милана.

– Нет. – Барон даже не посмотрел на воеводу. – После того как открылась Большая Дорога, я приказал сообщать мне обо всех странных событиях в городе. Информация о том, что двух известных бандитов убили с целью ограбления, показалась моим аналитикам очень

необычной. Мы навели справки. Одного из них застрелили, второму вырвали кадык. Дело происходило практически в центре города, свидетелей нет. Случайность?

– Случайность, – проворчала Милана.

– Или наведенный морок. – Барон усмехнулся. – Но есть еще одна деталь, о которой не упоминали газеты. Кто-то выпотрошил находящийся неподалеку банкомат, вытащил все деньги, причем, судя по карте памяти банкомата, меньше чем за пять минут он успел обслужить двадцать восемь клиентов. А камера видеонаблюдения не заметила ни одного. Очень ловкий трюк.

– Кажется, челы называют таких преступников хакерами, – буркнула Снежана.

– Совпадение, – поддержала жрицу Милана.

– Может, и совпадение, – не стал спорить барон. – Но, выполняя мою просьбу, фата Рада изучила банкомат и обнаружила остаточные следы филианской магии. – Мечеслав твердо посмотрел на королеву. – Я считаю, что Странник уже в Тайном Городе. Он здесь. Он прекрасно знает, что случилось с Аристархом, но он здесь.

– Странник готов к любым неожиданностям. – Всеслава поняла мысль друга. – Это не романтик Аристарх.

– На этот раз Кафедра послала матерого волка. Он убил не задумываясь и убьет еще.

– Великий Дом Людь может быть уверен в Дочерях Журавля, – холодно бросила Милана.

Ей было неприятно, что барон – пусть даже и близкий друг королевы, но все равно мужчина! – вычислил появление Странника. Про себя Милана решила, что устроит аналитикам дружины крупные неприятности.

– Поверьте, воевода, я ни в коей мере не ставлю под сомнение ваш профессионализм, но... – Барон покачал головой. – Странник знает, на что мы способны. А вот каким фокусам он обучился во Внешних мирах?

– Он расскажет об этом, – пообещала Милана. – Во время допроса.

– Чему бы он ни научился, он остался челом. – Жрица Снежана встала на сторону воеводы. – И он не сможет ничего противопоставить Дочерям Журавля.

Несколько секунд королева раздумывала, переводя взгляд с одного советника на другого, после чего медленно кивнула:

– Не следует менять планы на ходу. Решение принято. Воевода, теперь все зависит от вас. Зеленый Дом ждет вашей победы.

Всеслава скомкала салфетку и собралась подняться, но фата Ямания, до того молча сидевшая в конце стола, с улыбкой достала из тонкой папки несколько листов.

– Ваше величество, извольте взглянуть! Прощение на ваше имя от Красных Шапок.

– Это настолько срочно? – поморщилась Всеслава.

– Скорее забавно, – позволила себе рассмеяться фата. – Я специально приберегла послания к десерту, в качестве небольшого развлечения.

– Чего хотят дикари?

– Клан Гниличей нижайше испрашивает высочайшего позволения на проведение выборов великого фюрера семьи. Второе прошение от Дуричей. Просьба та же.

– Выборы великого фюрера? – рассмеялась Милана. – Как интересно!

– С тех пор как Кувалда узурпировал власть, Красные Шапки стали причинять нам гораздо меньше головной боли, – задумчиво произнесла королева. – Смена лидера кажется нам нежелательной.

– К сожалению, осведомители доносят, что идея выборов глубоко овладела дикарями, – сообщила фата. – Примерно час назад в Южном Форте прошел предвыборный митинг Гниличей. Есть жертвы.

– Надо запретить Красным Шапкам общаться с челами, – пробормотала Снежана. – Душевная организация дикарей не способна к критическому восприятию безумия этой семейки.

– Ваше величество, я согласна с тем, что Кувалда лучший лидер для Красных Шапок, – подала голос Милана. – С вашего позволения, я могу направить в Южный Форт пару боевых магов и ликвидировать смутьянов.

– Не уверен, что это правильно, – подал голос барон.

– Мечеслав, – устало произнесла королева. – Я понимаю ваше желание оспаривать любое предложение воеводы, но в данном случае Милана права: дикарей необходимо усмирить.

– Междоусобицы являются одной из естественных форм существования Красных Шапок, ваше величество, – твердо сказал барон. – На протяжении всей своей истории они без конца грызлись за власть внутри кланов, и даже самый мелкий пропойца мог мечтать о титуле фюрера. Мы отняли у дикарей эту надежду, но переделать их нам не под силу. Нарыв, судя по всему, созрел, и если сегодня мы откажем в прощении и уберем смутьянов, то Красные Шапки потеряют всякое доверие к короне и о следующей войне в Южном Форте мы узнаем постфактум, а не из верноподданного прошения о ее начале.

Снежана задумчиво покрутила в руке бокал с вином, но промолчала. Милана наморщила носик – уделять Красным Шапкам слишком много времени? Фи! Это недостойно воеводы Дочерей Журавля. Королева вздохнула:

– Ваше предложение, барон?

– Мне кажется, что выборы станут достаточно хорошей э-э... сублимацией междоусобных войн. Пусть дерут глотки, а не стреляют.

– Это нереально, – жестко усмехнулась Милана. – Вы правильно заметили, барон: Красных Шапок не переделать. Выборы превратятся в череду стычек.

– А вот это мы должны предотвратить, – отрезал Мечеслав. – Надо закрыть арсенал Южного Форта и запретить Торговой Гильдии продавать дикарям оружие. Одновременно повелеть Красным Шапкам проводить выборы раз в два года и предупредить, что смутьянов будем вешать.

– Любопытная мысль, – после паузы протянула Всеслава. – Думаю, имеет смысл попробовать.

– Я согласна, – закивала Снежана.

– Как будет угодно вашему величеству, – развела руками Милана.

– Ямания, после обеда займитесь текстом указа.

* * *

Цитадель, штаб-квартира Великого Дома Навь

Москва, Ленинградский проспект,

17 марта, среда, 14.52

На лодыжке вновь сомкнулись враждебные челюсти, но Анна уже давно перестала обращать внимание на мелкие неудобства, даже шаг не замедлила. Увернуться от населявших коридор зубастых тварей было невозможно. Мелкие, но юркие и подвижные, они выскакивали из

многочисленных отверстий в стенах и с остервенением вгрызались в ноги. Свернув голову первому созданию, девушка тщательно исследовала останки и поняла, что челюсти зверьков, напоминавших одновременно и крыс, и ежей, не способны причинить большого вреда. Твари были предназначены для создания помех, отвлечения внимания, максимум, на что они были способны, – измотать противника, ослабить его потерей крови. К тому же зверьки не умели прыгать. Определив тактические характеристики нового врага, Анна сразу же решила, как будет бороться: несложная перестройка клеток, и кожа на ногах девушки стала упругой и прочной, как толстая резина. Наглядная демонстрация возможностей мага-метаморфа, обладателя уникальной способности перестраивать свой организм в зависимости от обстоятельств. Сделать свою кожу толстой, будто у слона, переделать пальцы с тщательным маникюром в тигриные когти, обернуться собакой или миниатюрным носорогом... Возможности Анны были широки, именно поэтому оружия с собой ей не полагалось. Ни артефакта, ни штурмовой винтовки, ни самого захудалого ножа – только голова и уникальный организм метаморфа. Впрочем, этого было более чем достаточно. Кровеносные сосуды спрятались чуть глубже, а в структуре новой кожи ног появился быстродействующий яд. Отравленные тушки мелких вредителей отваливались примерно на третьем шаге, и разорванные в бахрому штаны стали единственным, чем они смогли досадить девушке. Теоретически проблему можно было решить иначе, например, покрыть ноги роговым слоем, который оказался бы не по зубам тварям, но Анна отменила этот вариант. Во-первых, тяжелые ноги сделают ее менее подвижной, а во-вторых, кто знает, что придумали бы крысоежи, когда бы их набралось достаточно много.

Напастей в подземелье и без того хватало.

Первыми, с кем довелось столкнуться девушке, были два ящероподобных голема, попытавшихся остановить ее при помощи кривых ножей, когтей, зубов и воинственности. Выглядели они весьма опасными, но своим главным преимуществом – внезапностью воспользоваться не сумели. Големы вынырнули из потайных ходов сразу же, как только погас свет, обрушили на Анну град ударов, но оказались слишком неуклюжими, чтобы противодействовать тренированной убийце. Девушка вырастила на всем теле плотную роговую чешую, легко справляющуюся с хаотичным натиском агрессивных ящеров, спокойно дождалась, пока звери подойдут поближе, и убила обоих длинным и острым, как навский стилет, жалом, в которое ненадолго – только на время нанесения удара – превращался язык Анны.

Затем последовала короткая и бурная схватка с обитателем затопленного тоннеля. Само купание не вызвало у девушки особых проблем, Анна отрастила жабры и перепонки между пальцами, сделала более гибким позвоночник и спокойно нырнула в воду, прекрасно отдавая себе отчет, что хозяева подземелья не откажут себе в удовольствии испортить ей прием ванны. Так и получилось. Подводная тварь отчаянно напоминала акулу, упорно не хотела умирать, а перед смертью сумела здорово рассечь правую ногу девушки.

Выбравшись из воды, Анна привела себя в порядок и тут же была атакована копией чуда. Замечательной копией. Высокой, рыжеволосой, облаченной в блестящую кольчугу и тяжелый шлем. В правой руке голем держал меч, в левой – кинжал и очень неплохо имитировал боевые качества рыцаря-мстителя. Для менее подготовленного бойца это нападение было бы неприятностью, но Анна искренне обрадовалась голему – появилась возможность пополнить запас растраченной под водой энергии. Некоторое время девушка искусно «танцевала», не позволяя рыцарской копии приближаться к себе, а затем, ловко перехватив руки противника, прильнула к голему всем телом, из которого выскочили сотни малюсеньких отростков, напоминающих *иглы* масанов. Несколько напряженных мгновений, и хватка врага стала ослабевать. Кровь голема – великолепная имитация крови чуда – стремительно врывалась в тело девушки, наполняя его бьющей через край энергией. Таковы особенности метаморфа – Анна пополнила силы так, как это делают масаны, и даже жест, которым она отбросила *высушенного* голема, напоминал презрительное движение насытившегося Малкавиана.

– Хорошо! – Девушка развела в стороны руки и глубоко вздохнула, наслаждаясь наполнившей ее энергией. – Кажется, мне предстоит нелегкий финал.

Анна понимала, что хозяйева подземелья специально дали ей возможность восстановиться – готовился сюрприз, и с интересом посмотрела в темноту коридора.

– Здесь и сейчас?

Что же они придумали на этот раз? Девушка осторожно вошла в сумрачный тоннель, перестроила глаза – человеческая модель не очень хорошо подходит к условиям плохого освещения – и даже вскрикнула, когда в лодыжку вцепился первый крысоеж. Вскрикнула больше от неожиданности: ждали слона, а появилась Моська. Поняв ошибку, Анна зло рассмеялась и продолжила движение, время от времени останавливаясь и настороженно прислушиваясь. Но все напрасно – единственными обитателями коридора оставались крысоежи. Потом пропали и они. Последние двадцать ярдов пути на девушку никто не нападал, она вышла из коридора и оказалась в большом зале, на противоположной стене которого была заметна дверь с зеленой табличкой «Выход».

А вот в центре помещения нервно подрагивала худая фигура долговязого голема.

Лунатик!

Лучший боевой голем Тайного Города приветливо помахал двумя здоровенными гердами и вразвалочку направился к Анне. Девушка тихонько присвистнула.

Наблюдение за проходящими полигон воинами велось из довольно большой комнаты, спрятанной в глубоких подвалах Цитадели. Ее убранство в основном состояло из экранов, на которые выводились изображения с видеокamer, мониторов, показывающих состояние испытуемого бойца, и других приборов, призванных рассказать заинтересованным лицам всю подноготную происходящего на полигоне. В глазах рябило от постоянно обновляющихся графиков, таблиц и диаграмм. В одном углу попискивало, в другом позвякивало, в третьем попахивало, и вся эта информация вызывала глубокий интерес у четверых специалистов – двух эрлийцев и двух шасов, – которым еще предстояло дать Сантьяге подробный отчет о состоянии Анны.

А комиссара, в свою очередь, интересовало мнение весьма уважаемого в Темном Дворе старика.

– Что скажете, мастер?

– Разумеется, я рад, что Лунатик не проиграл, – не стал скрывать Баррага. – С другой стороны, я недоволен тем, что Анне удалось обвести его вокруг пальца. Мне кажется, боевой голем должен быть более сообразительным.

– Вашего Лунатика тупым назвать нельзя, – улыбнулся комиссар.

Баррага, известнейший в Тайном Городе мастер големов, пристально посмотрел на Сантьягу и хмыкнул. Старик знал цену и себе, и своим творениям. Он был лучшим, его големы были лучшими, но манией величия Баррага не страдал.

– Любой голем – это всего лишь кукла. К тому же Анна – прекрасный боец и замечательно воспользовалась ситуацией.

Ответный комплимент.

– Я специально дал ей возможность выбора, – медленно произнес комиссар. – Анне была поставлена задача пройти подземелье, а не уничтожить всех, кто встретится на пути, и она справилась. – Сантьяга помолчал. – А то, как она обманула Лунатика, мне понравилось. – Он встал со стула, одернул пиджак, но задержался: – Мастер, в следующие модификации Лунатиков рекомендую вставлять мозги подороже.

Баррага выразительно посмотрел на франта и фыркнул.

Шутка действительно удалась. Хороший ход, а главное – неожиданный. Даже сейчас, стоя под упругими струями душа, Анна весело улыбалась, представляя себе лица Сантьяги и Барраги. Надеюсь, ребята, вы оценили?

Зеленая табличка над дверью напомнила последнюю инструкцию перед выходом на полигон: «Анна, ваша задача пройти подземелье от начала до конца. Это главная цель».

Лунатик силен и быстр, его герданы ломают стены и сносят защиту командоров войны. До сих пор только одному воину удалось побить голема Барраги в открытой схватке – Мубе, четырехрукому хвану, абсолютному чемпиону Тайного Города. Но в том-то и дело, что Анне не требовалось побеждать Лунатика! Ей надо было пройти в дверь за его спиной, и она выбрала соответствующую тактику. Голем, начавший движение вразвалочку, едва ли не с ленцой, постепенно увеличивал скорость и приблизился к спокойно стоящей девушке уже в боевом режиме. Его не смущало, что безоружная Анна не пытается защититься или бежать; Лунатик явно получил приказ не стесняться, и, даже если бы девушка продолжала просто стоять, голем размозил бы ей голову булавой. Не задумываясь. Не испытывая никаких чувств. На то он и голем. Анну такой вариант абсолютно не устраивал, а потому в тот самый миг, когда огромные герданы взлетели над ее головой, девушка растаяла, вылившись под ноги Лунатика скользкой желеобразной массой. Как и рассчитала Анна, массивный голем поскользнулся, не удержался на ногах и с грохотом рухнул на пол. Прямо на девушку. Липкое желе мягко опутало Лунатика и потащило к заветной двери. Четыреста фунтов боевой массы, конечно, тяжелый груз, но Анна не собиралась тратить силы на драку. Зачем? Лучше протаскать эти четыреста фунтов через зал и бросить, чем долго и нудно стараться их уничтожить. Голем трижды пытался встать, трижды поскользнулся и вновь оказывался на спине. Вернуть себя в вертикальное положение Лунатику удалось только после того, как девушка захлопнула за собой дверь.

– Вы позволите? – Сантьяга чуть приоткрыл дверь в раздевалку, но заглядывать не стал, остался в коридоре.

– Конечно, комиссар! – Анна отбросила в сторону полотенце, накинула тонкую рубашку и принялась не спеша застегивать пуговицы. – Всегда рада.

– Благодарю. – Нав аккуратно прикрыл за собой дверь, чуть поклонился и, пройдя в комнату, присел в кресло. – Вы замечательно прошли полигон, Анна, поздравляю.

– У меня хорошие учителя.

– Даже гениальный мастер не сделает меч из песка.

По губам девушки скользнула легкая улыбка. Она застегнула последнюю пуговицу и, грациозно опустившись на пуфик перед зеркалом, взяла в руки щетку.

– Вы не будете против, если я продолжу приводить себя в порядок?

– Ни в коем случае.

Несколько секунд комиссар молча следил, как щетка путешествует по длинным черным кудрям девушки, оценивал дразнящую позу – девушка расположилась так, чтобы продемонстрировать Сантьяге ничем не прикрытые ноги, после чего кашлянул:

– Ваша шутка произвела впечатление... Почему вы не убили Лунатика?

– Зачем? – пожала плечами Анна. – *Высушить* его невозможно, проткнуть очень трудно, живучесть у Лунатика значительно выше, чем у ящеров. Драка бы затянулась, а моя задача, если я не ошибаюсь, заключалась в том, чтобы пройти подземелье. Я не права?

– Вы абсолютно правы.

– Я ответила на вопрос?

– Вполне.

Девушка с достоинством кивнула и тут же резко бросила вопрос:

– Есть важное дело?

У славящегося своим воспитанием комиссара не было привычки врываться к полуодетым женщинам. Даже к рабыням. Анна, продолжая расчесывать волосы, машинально прикос-

нула пальцами другой руки к двум черным иероглифам, прячущимся на затылке, там, где заканчивается стройная шея. Два переплетенных навских символа: «Власть» и «Покорность», черный знак всех прав на ее тело и душу. В Тайном Городе давно не практиковали рабовладение, но у Темного Двора был свой взгляд на некоторые вещи.

От Сантьяги не укрылся жест девушки. Он небрежно откинулся на спинку кресла, секунду разглядывал свои ухоженные ногти, после чего спокойно, так спокойно, как говорят о чем-то совершенно незначительном, произнес:

– Я пришел к выводу, что ваше пребывание в Цитадели теряет смысл. Вы демонстрируете блестящие результаты в подготовке, научились великолепно контролировать себя и, я уверен, сумеете скрыть свою подлинную суть от жителей Тайного Города.

Это было важно, ибо конкурирующие Великие Дома вряд ли обрадует появление в колоде навов метаморфа.

Рука, которой Анна расчесывала волосы, замерла.

– Я подумал, что ваша жизнь станет более интересной, если вы обоснуетесь в собственной скромной квартире.

Девушка бросила щетку на полку у зеркала и резко обернулась к наву. Сантьяга извлек из кармана пиджака связку ключей и положил их на столик у кресла.

– Пять комнат неподалеку от центра города. Старый и очень хороший дом. Соседи, правда, исключительно челы, но весьма приличные. – Он спокойно выдержал пронзительный взгляд черных глаз Анны и вновь опустил руку в карман пиджака. – Ваш автомобиль стоит в гараже Цитадели. – Еще одна связка ключей легла на столик. – В нем вы найдете все необходимые документы.

У девушки задрожали руки:

– Сантьяга, я... Я не понимаю...

– Теперь, собственно, о вас, – спокойно продолжил комиссар. – Неделю назад в Воронеже погибла женщина-маг. По стечению обстоятельств ее звали так же, как вас: Анна. Анна Курбатова. Она была не сильной волшебницей, узнала о Тайном Городе благодаря Темному Двору и несколько раз помогала нам. А вот за собой, к сожалению, не уследила. Ее сбила машина. – Комиссар помолчал. – Анна была примерно вашего возраста... Вы не очень похожи, но, как я уже говорил, госпожу Курбатову вел Темный Двор, и мы смогли исправить это недоразумение. Все фотографии в архивах, отпечатки пальцев и генетические образцы изменены под вас. Ваша карточка «Тиградом» и лицензия Зеленого Дома.

На столик опустился пластиковый прямоугольник и пергаментный свиток.

– Анна Курбатова. – Анна закусила губу, помолчала и очень тихо спросила: – Это значит, что я...

Вопреки ее воле пальцы поползли к черным иероглифам: «Неужели свобода?»

– Еще нет, – грустно улыбнулся Сантьяга. – Еще не свобода. Но первый и самый главный шаг к ней. Поживите в Тайном Городе, посмотрите на него другими глазами. Не забывайте периодически приобретать энергию Колодца Дождей.

– Что я должна делать?

– Я же сказал: жить.

– Просто жить?

– Просто жить, – подтвердил комиссар. – Просто жить, как все в этом городе. Работать, развлекаться, заводить романы.

– Работать... Кем?

– На ваше усмотрение, – пожал плечами нав. – Мы внесли в банк небольшой вклад на ваше имя, так что у вас есть время, чтобы определиться со своим будущим.

«Можно подумать, что мое будущее еще не определено!» Анна прищурилась, Сантьяга вежливо улыбнулся.

– Что я должна сделать?

– Скажем так: мне будет очень приятно, если вы не сочтете за труд провести некоторое время на одной московской улице. Скоро там произойдет интересное событие, и я бы хотел, чтобы вы оказались рядом.

– Меня это не затруднит.

– Вот и прекрасно. – Комиссар легко поднялся с кресла.

– Сантьяга! – Анна тоже встала, подошла, взяла нава за руку. – Сантьяга, это контракт?

– Пока это очередное задание, – спокойно ответил комиссар. – Но если вы проявите свое обычное старание, то я начну рассматривать это задание как контракт. Со всеми вытекающими последствиями.

Контракт можно заключить только со свободным наемником. Раб – это вещь. Раб получает приказы и исполняет их. У девушки перехватило дыхание:

– Я...

Сантьяга мягко освободился от руки Анны, чуть улыбнулся и кивнул:

– Через десять минут я жду вас в своем кабинете.

* * *

Москва, Крымская набережная,

17 марта, среда, 14.53

– М-да... Понастроили...

Фома плюнул в воду и снова заглянул в путеводитель. «Величественное здание МГУ на Воробьевых горах гордо возвышается над городом...» Калека поднял голову, прищурился: далековато.

Он стоял, свободно облокотившись на парапет Крымского моста, и лениво листал туристическую литературу, вновь знакомясь с таким родным, с таким чужим городом. Чертово колесо... Понятно. Поднимут повыше, посмотришь подальше. Если поехать туда, будет Ленинский проспект... How is mister Lenin? Фома почесал в затылке, но имя в памяти не всплыло. Ленин, Машин, Галин, Танин... Наверное, кто-то из молодых.

Теперь Калека не привлекал ненужного внимания: кожаная одежда и шелковая сорочка исчезли, уступив место дорогому пальто, элегантному костюму и мягким полуботинкам. В ухоженных пальцах – краткий визит в салон красоты – толстая сигара, окутывающая пространство вокруг ароматным дымом. Даже золотая серьга в левом ухе и кусочек татуировки, вылезавший на шею из-под ворота пальто, удачно вписывались во внешний вид Калеки – они делали его похожим на успешного деятеля шоу-бизнеса, богатого и следящего за собой.

– В ту сторону Смоленская площадь и МИД, Триумфальную арку перетасили к черту на рога, а к Нескучному саду приделали развлекательные железяки. Здорово!

Фома раздраженно бросил путеводитель в воду, заложил руки в карманы пальто и пару мгновений раскачивался с пяток на мыски, мрачно изучая уродливую бронзовую конструкцию, торчащую правее храма Христа Спасителя. Затем его взгляд скользнул вдоль реки, не задерживаясь, пробежался по домам старой постройки, переместился на противоположный берег, уперся в белый прямоугольник культурного центра, вызвав кривую ухмылку и еще один плевок в воду.

– М-да... Понастроили...

Но уже через мгновение гримаса исчезла, а лоб Калеки прорезала вертикальная морщина – он заметил ряды на набережной. Холсты, холсты, холсты... Фома удивленно приподнял брови и, вытащив изо рта сигару, без смущения ухватил за рукав ближайшего прохожего:

– Милейший, миллион извинений за беспокойство... Вы не знаете, что там находится?

Молодой парень проследил за взглядом Калеки:

– Вернисаж.

– На улице?

– Да. Там художники картинами торгуют.

– Благодарю. – Калека с достоинством склонил голову.

Московские улицы и леса средней полосы, бушующие морские волны и украинские степи, образцы портретов и головоломки в стиле Дали. Реализм и авангард, импрессионисты и кубисты – все для вашей гостиной или спальни. Фома медленно шел вдоль выставленных работ, изредка останавливаясь, чтобы окинуть взглядом ту или иную картину, но его богатый внешний вид привлекал внимание продавцов гораздо больше, чем самого Странника – их работы. Калеке заглядывали в глаза, улыбались, тянули за рукав и предлагали постоять у картины «минуты три, чтобы почувствовать». Фома улыбался в ответ, покладисто задерживался, но затем, отрицательно качнув головой, продолжал путь. Он не видел.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.